

История нем. литературы XVIII века.

литературно-научные заслуги его, особенно в области истории литературы, известны всему миру.

1719-1803. Йоханн Гейм (Joh. Val. Ludw. Gleim) род. ^{†) в Эрмелебенте} в 1719 г. близ Талберштадта, занимался юриспруденцией в Талле 1738-1740 гг. и затем в едм., жил с несколькими апарентиками, подражая, желями Тагедорна. В 1747 г. он получил место секретаря в Талберштадте и оставаясь в этой незначительной должности много делал для литературы. Все свои свободные деньги (он был одиноким человеком) употреблял он на пользу общества, особенно словесности и вообще, т. е. вообще, поддерживал начатки нем. литературы. Он умер в 1803 г. Гейм имеет заслугу, что его имя гораздо чаще встречается в послыдней части периода, нежели в эпоху, когда он был в полном развитии; его заслуга хорошо всего известна под именем „ориза Гейма“, что трудно предсказать себе время, когда он был молод.

Гейм пользовался уважением окружающих его и занимался всего жизнью литературными трудами. Принимая участие в развитии литературы, он одобрял начатки поэзии, давал им полезные советы и указания, за что долгое время пользовался в кругу учащихся, с которыми посещались именем „ориза Гейма“ (Anton Gleim). Он был не только самодеятельным поэтом, сколько творческим и изобретателем литературы своего времени. В поэзии он был

1) Каковие, Клар, Ф. Я. Коби, Миксимер, Гейм (Гейм) и др.

как раз элекзисы, т.е., усвоившая себе манеру
 того писателя, который в данной литературе ему
 особенно нравился, но из прессы ему род,
 естественной ветви таланта Таледора. Талант
 зависти, Тейль приворожована всякое новое
 дарование. Ему посвящали несколько земель
 словъ Тейль, в своей аборигинации. В своих
 произведениях Тейль обладал талантом:
 увлекшись чужого идею, развивая ее так, что
 написанная им в зрелом зрелом виде часто
 превосходит самую оригиналь. Эта сторона
 таланта замечается во ветви его произведениях.
 Письма, первый изданный им труд: „Lettere noue
del Anacreonte“, „Шушубовъ поэмъ“, были подра-
 жанием Анакреону; изданный позднее „Petrar-
chische Gedichte“ („Поэмы Петрарки“), „Gedichte von
dem Montaigne“ („Поэмы Монтенескьеровъ“, Поэмы
 В. ф. д. Фогельбойде) озадачивают зрелого же характера,
 роман. Веселость и юмор были организаторскими
 свойствами его произведений. Его юмористич. поэмки
 звучат неподдельными добродушием и до сих пор
 исполняются хоромы сруденцовъ и молодости.
 Но поэтически славу, и славу все на одинокую,
 приобрел Тейль особенно во время Семилет-
 ней войны своим „Прусскими военными поэм-
ками Грендера“ („Premiere Gattung“),
 или Grenader“¹⁷⁵⁷, в которых, конечно, в искусствен-
 но-грубой и квази-прохонарадной форме всяка,
 заведая все-таки искренний энтузиазм поэта,
 и о которых в похвалой озадачивал Лессинга.

У в 1744 году, „Merke in Prosasprache“ („Опыт в
 шушубовых поэмках“).

Поэты эти имели влияние на душевление армии Фридриха Великого. Кроме писем Трудно в настоящее время, тираж угрозы поэта ильз вичо ильз аверрийскиль череповъ или описание фого, како на с.мерзъ раченый гренаторъ грозить врагамъ саблито, предохранитъ себя, како възгорчъ гонда възбуидали эти поемы; но надо ильзъ въ виду, что въ нильзъ выражалось насзроеие митуръ, сказа. балоеъ канало новой митеразурной эры, оконча. ние эпохи академизма и малкаго подразнанія гунийль.

Кроме поемы, Глейль писалъ въ дидактиче. екомъ родѣ. Заинтересовавшийся его произведение въ этомъ родѣ, "Kalladat oder das rote Buch" ("Тан. ладоха или красная книга"). Сочинение это напис. сано ильзъ въ подразнаніе коравицъ и заключаетъ въ себя множество обращеній къ природѣ, богу и человеку, приемы послѣдней предшественно. ея его обязанности и права. Изобразитель и гордый гонъ возогноиль еривообразеви прекрасно выдер. тать въ этомъ сочинении, и оно было чрезвычай. но радучно принято современной публикой. Сборникъ "Goldene Lieder des Pythagoras" ("Золотыя изреченія Пифагора") были взоромъ помычкой Глей. ма въ дидактическомъ родѣ. Сочинение это также обнаруживаетъ евогиль ехороны его таланта. На. конецъ, Басня (Fabel u. Fabeln) была также радучи коззи, въ козрой Глейль пробавалъ свои еилы. Не смотря на явное подразнаніе Тагедорну, Теллеру и Лафонзету, ульонсе разеказываеъ придаеъ значеніе

даже ознакомились лично-замесованными произведениями.
Ознакомились с работами Глейма пользователем в литературе
уважением, благодаря Эмерсону и безкорыстия,
с которыми они всего лишь слушали ей.

Нильско-анакреонические друзья из Тамле в
зачесть и в жизни рационалист довольно далеко.
Глейма, как каноник в Тамлдерштадте, многие
годы сжарался, сколько поны, поногалъ поладивши
поэтомъ; Уизъ дошелъ до тайнаго соборника
поэзии в Амбадъ, а Тейцъ кончилъ сувер,
интересованъ в Пераленге. Йоханнъ Уизъ (Zoh. R.
ker Wz, 1720 + 1796) не только переводилъ, а также
она, но писалъ оды (Gedichte Lindes), патристиче-
ския повести и дидактическую поэму „Theodisee“
(Теодицея). Йоханнъ Тейцъ (Zoh. Nicolas Götz, 1724 + 1781)
не смотря на свое духовное званіе, всего лишь
воспитывалъ грацій и Анюра, да писалъ мадри-
галы и зрители. Фридрихъ II, в своемъ сои-
нении „de la littérature allemande“, очень хва-
литъ его поэму „Die Wälderinsel“ (Островъ др.
бушевъ). Кроме того много переводовъ съ фран-
цузскаго языка и подразнаніе французскихъ
образцовъ. Въ 1746 г. вышелъ въ свѣтъ Анакре-
онъ, переведенный Уизомъ и Тейцомъ, которыми
эта группа дебютировала на нѣмецкомъ Парнасе,
ств. Глейма находилъ тогда въ Берлинѣ и Поле-
даме и съ радостью выдалъ, какъ преемствъ со-
мни поэтически сжаривалъ сборникомъ нурк,
домъ нѣмецкихъ поэтовъ и писателей: Пира ко-
паль куда какъ унизилъ имитацию; однимъ изъ

1) Комическую по-
эму „Der Sieg des
Liebesgottes“

офицеровъ король, Эвальдъ Христианъ фонъ-Клейсръ, должны были сдѣлаться классическими павловою вѣстна; Карлъ-Вилгелмъ Памлеръ, учился въ кадетской школѣ, вскорѣ показалъ рѣдкое поэтическое вѣщаніе въ пышной поэтической формѣ.

Тораздо даровитѣе былъ другъ Гейма, Эвальдъ Христианъ фонъ-Клейсръ (Ewald Christ. von Kleist), оубо, жившии на себя общае вниманіе не только своими произведеніями, но и своєю синазичною личностью. Жизнь его была полна разнообразными событіями, озрабившимися на характеръ его стихотвореній и развизій таланта. Онъ родился въ Цедлингѣ, въ Помераніи, въ 1715 г., получилъ образование сначала въ іезуитской школѣ, затѣмъ въ кѣнигсбергской университетѣ. Поэтическое призваніе поучеждало его въ ранней молодости. Жизнь была раздѣлнцую и смозрѣла на нее равнодушиемъ. Вскорѣ онъ полюбилъ дѣвушкѣ, сдѣлавшюся его невѣстой. Вѣдучи получивъ онъ извѣстіе, что она была принуждена родными ввѣдчи за бога, го теловѣка. Извѣстіе это до того поразило Клейсра, что прежній взглядъ его на жизнь измѣнился совершенно, а его произведенія сжали ороло, комо душевной трусости, которого прониклаеся вся его жизнь. Тогда уже онъ принужденъ былъ поспуири въ военную службу, гдѣ всегда съ неудовольствіемъ относился къ этому званію, совершенно по прозвиротлившему его характеру. Но похрѣ любимой женщины, сдѣлавъ его равнодушнымъ къ жизни, заставила забыть нерасположеніе къ

1715+1759.

военной службы. Она была нескоро в груди и она, посялая войны покой и забвения, и ее оградной храбростью бросала в бой. Победа была изрядна, заги лоты закон жизни, она была зявлено ранено в правую руку при Кунерсдорфе. Схватившись правой рукой, Клейсера бросился на врагов во главе своего батальона, но в эту минуту неприятельская картечь раздробила ему бедра косяк. Бегу паники пролетала она излучно ночь в болотце и, доставлен, ный наконец на перевалочной пункце, ухарь, не выдержаво операции, на сорок газвертомы году, во франк, фурце на Оверь в 1759 г.

Эта бурная, полная горя жизнь Клейсера отразилась на весь его произведение и была причиной, что ильа его, как поэта, не забыть до сих пор. Его элегия и оды полны кезинно-позитивской грусти и силе субъективности. Они писаны в походе, при зрании Барабанова, и на военный привалах, среди все, миль и грубиль зоварицей, не поминавши его мрачного настроеня; но всегда и бездо ильа его была втрисельно выражением гурьва, возгорьда она переживала в это время. Оди „An die d'ne D'ffr Antia“ (Къ прусской ар.ии), „Der Anstalt“ (Намьоре, кие), „Похвала Бомсери“, гильма „Gruß an den Fuch“ (Великий Тостодь), „Сзрачление ко покою“ и гудобока прочувствованная элегия „An Dorn“ (Доридон) приклад, лезмазь ко лучшим произведениям Клейсера во мирисеском роду. Прелезны, хорошие и всегда его повести, напр., „Fehlbedingung mit' Land“ (Приглашение в деревню), „Liederbuch an die Namfluff“ (Подобная

твоя къ бузюмъ вина) и др. Кромѣ небагшима мн.
 рическимъ ерикозвореніи? Я. Клейеръ написалъ еще итъ,
 сколько поэмъ, изъ которыхъ „Das Frühlings“ („Весна“)
 извѣстна до такой степени, что въ Торнаціи вънверзо
 имени Клейера говорятъ просто: „авторъ ^{поэмы} „Весны“.

„Весна“ Клейера подвигаетъ въ 1749 г., герою года
 послѣ первыхъ твеевъ „Мессиади“: прогулка въ деревнѣ,
 поля, лѣса и луга, озера, острова, обсаженное дере-
 ва, дождь и солнечное сіяніе, работа и шипище
 крестьянъ изображены въ 460 гекзаметрахъ съ приба-
 вкою Anfrühlingsfests, кельного слишкомъ основательно,
 но не сухо, а въ поддироль наэстроени и связаны
 съ Хвалой Божезвѣ. Поэма эта изобилуетъ многими
 поэтическии описаніями. Автора какникаетъ подму
 привозувіель въсенте, пригласая всѣхъ радоваться
 ея подвигеню, затѣмъ переходить къ прискорбкочу
 заключенію, что свирѣпозвучающая война поитыша,
 етъ мюдѣмъ наслаждаться дарами природы, и окае,
 гиваетъ просьбой, обращенной къ государству, пода-
 рить своимъ подданнымъ блага мира. Это — одна изъ
 тѣхъ поэмъ, которыхъ особенно гордилось во время
 наиксающагося литературнаго расцвѣта; новѣя ва-
 рианціа очень стараго сзрѣленія германскаго къ
 прозочу бору, которое выразили уна Торнаціи и по-
 его приимтчу Фришаръ и Шинцъ; новѣи оворъ поэ-
 тическаго описанія природы, не только въ раздѣлу-
 зой манерѣ Брокеса, сколько въ емазой манерѣ
 Галлера и подѣ очевиднаго влидніемъ знамени,
 тѣмъ „Времены года“ (The seasons) англичанина
 Томсона, которыхъ были тогда переведены Брокесомъ

и еще до сих порь продолжатель шире в Германии, благодаря извлечению, которое скомпоновано Го., сиречь Таидио. Держали поэмы, какъ, напр., описание прекрасной французской сирены, где природа не тронута французской рукою людей, полны поэтической прелези и оправдываютъ роль приёма, который сдѣлала публика этому произведению, не смотря на то, что оно ильже и вассивый недоога, жокъ - озеруе одичаго плава и едичева.

французский поэт
1) M. Lambert (1716-1803)
Времена года и
европейский поэт
Дональдиес:
Летар

Въ другой поэмы, «Pissides und Paches» Клейсера изображается бурная сцена военной жизни. Двое друзей, посланные во главе небольшого отряда, принуждены защищаться противъ огромной толпы неприятели. Оба они погибаютъ героической смертью, но ослабленный врагъ также принужденъ отступать, не достигнувъ цѣли. Содержание поэмы простое и незамѣлтво, но въ ней много прекрасныхъ местъ. Клейсера написаны также эпиграммы съ Короними икселами и жонкими обородами, наконецъ и нѣсколко идиллий (напр., «Ziti») и басенъ («Fabeln nach Goethe'schen») и трагедия «Сенка» («Seneca»), где много драматизма и ка. рхизары драматизма и жонки, развлекатель въ «Зрель». Изъ сочинений Клейсера на русскомъ языкѣ переведены «Сенка, печальное похороние, въ зрель дей, сзвилька». 1765 г. «Сенка». Трагедия въ зрель драматизма. Дика. Перевелъ съ итальянскаго К. Дерлинъ. М. 1789 г. - «Весна». Сочинение Клейсера. М. 1792 г.

Вокругъ крутвыхъ предсказателей возродило, ищется литературы, крутировалась болше малки писатели, содѣйствовавшие развизити кудьзурок и провѣщаній. Изъ современнаго Торшеду поэтъ

1) «Pissides und Paches» — героическая поэма изъ греческаго мѣра.

2) полныя губева и догазель икселами, какъ прекрасныи «Прини».

жили Глейль, какъ мы это уже знаемъ, долго въ Галльберштадтѣ. Его литературную группу въ Галльберштадтѣ составляли въ послѣднее время едина, мислелыце поэты, какъ-то: Йоганнъ Георгъ Якоби, Йоганнъ Бенджаминъ Михаэлисъ, Кламеръ Эбергардъ Карлъ Шмидтъ и др., которые по Галльбершту и по франц. уздежилю образцанъ продолжали лирику до конца вѣка.

Глейль долго жилъ въкъсрѣ съ Йоганномъ Георгомъ Якоби¹⁾ (1740+1814) и былъ ея ниль перешку, подвившрое въ печати и представлющую илюбо, торный образецъ извѣсканной риторическаой фразеологии той эпохи. Йоганнъ Якоби былъ профес.²⁾ сорои въ издичивити искусствъ и писалъ ермиди, зак, дие наполненные купидонами и ллодики, но между ними ееръ нѣсколко недурливѣе поеме. Йоганнъ Бенджаминъ Михаэлисъ³⁾ (1746+1772) былъ без, спорно галантливыи, но умеръ еще въ молодости. Въ его произведенія, напр., въ "Lavin n. Zerkel der Freyheit Goldne Krone", пародии Энеиды Вирги, ид, господствующаго топора и удачная провид. — И Кламеръ Эбергардъ Карлъ Шмидтъ³⁾ (1746+1824) сози, ниль поеме по образцу Анакреона (напр., "Die Freyheit auf dem Rorin") и Петрарки, глубокое чувство корорато отъ превратилъ въ плаксивую сентиментальность.

Вся эта искусственная поэзия доведена была до совершенства въ своихъ формахъ Карломъ Вильгельмомъ Райлеромъ⁴⁾ (1725+1798), учителемъ логики и издичивити искусствъ въ берлинской кадетской школѣ и членомъ Академии (сз 1786?). Райлеръ

1) Johann Georg Jacobi.

2) Johann Benjamin Michaelis.

3) Klamer Eberhard Karl Schmidt.

4) Karl Wilhelm Ramler.

1/1740-1814)

1) - профессоромъ

само писавъ сзиди, военная дѣла уезди Фридриха II (Великаго), отъ котораго получала грошовое жалованье. Только Фридрихъ Вильгельмъ II далъ ему содержание въ 800 залеровъ. Кроме одѣ Галлера писавъ канцазы (напр., „Эпо“, „Pygmalion“, „Das Tod Fest“), логическихъ, алогорическихъ и евангелиевъ, переводилъ Карула, Горацидъ, Марциала, и выработавъ въ немецкой поэзи строго правилонидъ формы для алкейскихъ, сарпическихъ и вѣдико рода дребниль разноробъ. Его въкъ въ зтомъ означеніи очень уважалъ даме Лессингъ. Хотя Галлеръ замѣтилъ, какъ было, ^{самъ} признавая непосредствен. ниль ученикомъ древниль, за все-таки по нужду, му наосу риторической лирики приписавъ французской школы въ немецкой поэзи.

Галлеру приносили для коректированія свои произведенія поэзи его времени и между ними Анна Луиза Кармина (Karschin, Karsch, 1722+1791), рожденная Дорбадь, дочь силезкаго крестъдника, воспитанная въ грубой сѣлѣ, бывшая слухомъ, кой, до 15-ти лѣтъ едва умѣвшая читать, но обратившая похвалу сама себя и каавшая воцѣновъ Фридриха Великаго прееде всего за то, что она ввела въ своемъ королевствѣ развѣдъ, и она разошлась со своимъ грубымъ, кельодиль, ильдомъ его мужемъ (Турзеркорниль) и вышла възрѣтно за порочнаго Карша, пѣдмизу, противнаго платье своимъ чезвериль дубей и надѣлѣвъ, того знеку пободили. Она однако продолжала писать сзиди, обративше на нее вниманіе Галл.

И Дмизривъ въ извѣстной сазирѣ „Гушомъ зомль“ сравнива его рядовѣ съ Горациемъ. Галлеръ уже въ 15-ти лѣтъ началъ писать зорическую одѣ, училъ сперва въ Галле, похвалъ въ Берлинѣ, гдѣ въ 1748 г. получилъ званіе преподавателя логики и издѣчныхъ искусствъ.

лера (и Сулцера), а Глеймь даже назвала ее *Ивонне*,
 кого Сасро. Ея досраваит свиданіе съ королемь, кою,
 року она продолжала адресовать воззороженныя
 посланія; она общалась черронуъ ея судьбу, но не
 едѣлала ничего и послала ей въ 1773 году — два
 залера. Она возвратила иль съ гезверосуммиль, въ
 козоролю говорила: „два залера не дають великіе
 королу; закой подарокъ не увелишишь моего соедо-
 днія, отои зольско умишалаеъ меня и поэтому я воз-
 вращаю его“. Фридрихъ (II) Великій возвратилъ съкъ.
 Хотя эту съкълю вылодку, но все-таки ничего не
 едѣлала для пользы, и зольско наследникъ его
 далъ ей казенную квартиру, маленкій домъ (въ Берлине),
 въ козоролю она умерла въ 17912. — Она имѣла
 мѣлкое губерво съ шивото еилого вообразенія; но
 ея залавуъ не получили надлемащало образова-
 ній, поэтому что она рано приключила его въ су-
 козвореніи на елчанъ и его развизію самосо-
 азельному развизію имѣла влѣдние иль друзей,
 Ратлера, Глейма и другіе. Она писала очень мѣ-
 го во вѣсье родаль, на всевозможные елчанъ. Ея
 сочиненія: Анталаринъ Гад., Берл. 1764; Майя Гад., Мѣ,
 Там 1772. Наконецъ, дочь ея, Каролина Кленке, за-
 не писавшая елчанъ, издала произведеній своей
 матери, съ ея Биографіею, Берлине, 17922.

Въ заключеніе французской школы въ нѣ-
 мецкой поэзіи — нѣсколько словъ о Берлинской
 академіи и о Фридрихѣ Великомъ. Какъ много
 ни было пользею членами Берлинской академіи,
 она ничего не едѣлала непосредственно для нѣ-

немецкой императрицы. Ее ученая разсудительная вы-
 ходила по-французски. Она велика была тесно
 жить взыкомъ, какъ тесно король и король
 дадъ немецкаго дворянства и немецкия дворова
 все еще были взыкомъ самого зоркаго образа,
 нид. „А ея токози не прозель ни одной немецкой
 книги“, говоритъ Фридрихъ Тюрингъ, „и же разе
 еомте ни сочес (я говорю какъ купецъ), а зенеръ
 я старый человекъ, былъ 46 лѣтъ, и у меня уже
 много на это времени“. Фридрихъ принадлежалъ
 къ оригинальнѣйшимъ и остроумнѣйшимъ ни,
 саркастич. жоданнѣйшей жоданнѣ Тернанн; его
 ержи и тесна — живые озерарки несравнен-
 ной личности; его „Antimachiavel“ сравнѣ
 новѣй идеалъ государя, (Лодовикъ, Louis XIV гово-
 ритъ l'état c'est moi, а Фридрихъ Великий при-
 знаетъ первѣе службю государству) и исполнен-
 ный високо; его незоринскій произведенія зани,
 манго высоко много въ незоринскій великъ
 времени и народа. Какъ много, оно больше
 всего рѣдженъ въ Тюрингн, изъ кнѣзей ея
 нидѣ можно бы сравнѣть Таледорна. Но раз-
 жинленія короля зѣль глубже, чѣмъ больше
 и ерзенные оно боролъ въ великини задан-
 ни зинзи, чѣмъ больше должна была позръ,
 саръ и возмущающъ его взырение гувезво зинзи,
 полнатъ озвотозвеннози, ценъ ховъ и опасносези.
 Созиже на ринсконъ императорсконъ презонъ,
 Маркъ Аврелий, саръ позизаемъ нидѣ образецъ.
 Какъ зоръ, оно проинкнущъ гуманносезю, котора

была для него высшей добродетелью. Ветвь высокая
настроений гениального правителя, второго друга,
превосходного человека, который посвящал свои
лучшие силы общему благу; всегитавы и каштань,
ка сапурика, который сь высоты сообразившей мн,
сли и воли сь презрительны смотрел на слабый,
мидь созданий, презрительно глумился и эгоизма
и ляхтыя всего шадилы созоварицей — монардовы —
все это выразилось в сочинениях Фридриха и
применено к сестр нации, мидь которой отъ вышеле,
далеко на всегитавизованный миръ. Въ великаго
король итмиды законе мидьны классика, ко, ко
социалтико, классика на французского языка.
Но хотя императору король могла слушать ко,
иностраной литературы только через переводы, духъ,
который въ нихъ говорилъ, не были похеряты
для немецкой литературы. ✕

2. Движение къ независимости и заказки само- созидательности въ немецкой литературе.

Не смотря на совершенное господство французскихъ
образцовъ, все-таки въ то же время немецкая ли-
тература не была вполне лишена самообразовательныхъ
движений и трудовъ. Впрочемъ господство фран-
цузского влияния и вкуса въ Германии довольно
рано было принципиально опровергнуто и како,
неко совершенно изгнано. Конечно отдельно и
както не оценокъ по заслуге, явилось эти по,
видя движения и произведения, напр. самимъ значи-
тельнымъ немецкимъ романистъ всей этой эпохи, Die
Unsel Felsenburg. Сатирицизмъ — Инъ обантанделер

Simplicius Simplicissimus" Трихмеллаузен († 1672.),
собственно говоря, есть первый Робинзон. Но вымысел,
сель юнхенкаго поэта оказался безплодным в
Германии, пока она не примет жуда слова из
Англии. "Robinson Crusoe" ("Робинзон Крузо") Даниела
Дефо (Daniel Defoe или de Foë) явился в 1719 году,
был вскоре переведен и ему многократно и
долго подражали. Эта литература Робинзонада
удлилась до эпохи Фридриха Великого, и самое
знаменитое произведение во ней есть кельден-
гольмовой разказы, который выкадывъ в 1731—
1743 годах и по мере двоеквие называея
"Острова Фелленбурговъ" (Die Insel Felsenburg).
Авторомъ было Модвице Умнделъ (Schmabel, упер,
милъ между 1760 и 1780 годами), чиновникъ графства
Шоненберговъ у палаты Тарца. Эго романъ
мнеше иекозоровъ заглавие, какъ-то: "Mittler
Lich Fata amicus Unzufraun, oberstauchlig Alberti
Julii a. m. b. g. u. w. a. n. s. Sachsens, antwortlich v. d. bes.
nard Julio, dem Druck inausgabam von Gisaudern (1731-43);
эго первое заглавие, позо в оне издаво Ага,
пома Фелленбурговъ (Fehlenschläger) подъ загла-
виемъ "Die Inseln im Südmeere" (Stuttg. 1826 г.) и
накоонецъ подъ заглавиемъ "Die Insel Felsenburg"
(Jug. v. Tiesch, Bresl. 1827 г.). — Умнделъ распортокъ,
есть почти зо в оне романически анпаразомъ
какъ "Симплициссимусъ"; оне дае еще больше
мнеше духавъ и вайтебуу; оне не боуея по,
взорения поэтовъ; оне не езраея остворитъ ка,
книги иидубъ высокими мыслями то мнешево

*) прилагательное

приключений, которых они большого частью разска-
зывают очень занимательно. Острова Фрейзендурег
лежатъ здѣсь то въ океанѣ за сѣв. Шленой. Это
"земной рай", какъ послѣднее нѣмецкое правительство
Симплиція. Покрѣпѣніе крушенія, которое
верунаго на взоръ островъ, и означенія, кото-
рый оказывается между ними, очевидно наврядны
Три. мѣстаузенны. Въ концы концовъ въ райо-
оказуея зонако Адамъ и два. Адамъ - немецъ;
они сзаноуея родоначальникомъ большого рода;
зачѣмъ являюея другіе покрѣпѣніе крушенія,
и добровольные поселенцы съ семействами, и его
подданные умножились. Они властвуютъ надъ цар-
своимъ, ^{мира,} которое окружаетъ сзасѣмъ и покоемъ
многие сзрадавили и испывавили горести
въ Эвронъ. Все они разсказываютъ свою судьбу;
передъ нами ведеетъ рядъ описаній, между
прочимъ много немецкихъ. Мы знакомимся съ
духовными лицами, солдатами, ремесленника-
ми, въ пещоріи которыхъ оуразнотоея одица
означенія времени, въ существованіе которыхъ
вплезены немецкій дѣла начала XVIII вѣка. Три, и
даже сзасѣмъ оустрова, повидимому, оставили
на своей сзарой родинѣ все худшество оураза;
но они не освободились оу неслезоуея оу,
поменія и целовной фразы. Любоное нѣмко
камеетъ илье поздичные, нѣмъ проеое ссрдечное
слово. Но различія еословія и религіи никогда
не раздѣляютъ зривъ людей, и въ зривъ еивсая
они озвочаютъ зону идеалу, которыхъ на илье родинѣ

были еще очень далеки от осуществлений. — Эроз романов Шнабеля по поэтическому содержанию и лирическому настроению и по глубине превосходства книгу Даниэля Дефо, однако не достигая в нем, искусство изображения и в какой форме.

Между тем как это и тому подобная проза, деяния были ^{совершенно} игнорированы со стороны университетов, зовъ и литературных деятелей французского языка и влдитий, то въ самомъ кругу ученых на, чалея георетический споръ, приговаривающій нагъ, ние Торшда и его исключительство французскихъ образцовъ. Мы уже знаемъ противоположное между Таллеромъ и Таледоромъ. Она была вовсе не лишней; она не исключала обидного уважения: Таллеръ самъ провелъ справедливо параллель между собой и Таледоромъ, а Таледоръ не сомнѣется, но не признавалъ влияния поэзии Таллера. И вообще, кто находилъ надъ влдитиемъ Торшда и Таледора, не долженъ былъ бояться изъ-за этого слать въ дозорисе Таллера. Саксонецъ Кеснеръ, по му, жившій образование у Торшда, профессоръ въ Лейпцигъ, позднее въ Гейттингенъ, математикъ и астрономъ, извѣстный на пылецкомъ Парнасе главными обра, зомъ какъ бойкий эмигрантъ, пробовалъ есда по образцу Таллера въ дидактической поэзии и даже свидѣтельство о величии Таллера въ словахъ: "Ain Kriemhild, Ivan Freyung in foh nia wawlon, Franz Haller nist mit Adelsflüg ungen" (Надъ ридиакими, полетъ козорьихъ никогда не поднимался надъ землей, однажды поднялся Таллеръ орлиными крыльями).

Теллеръ обыкновенно украшалъ свои моральскія чтенія суждами Таллера. И даже госпожа Тотъ, медь приводила его въ дружескихъ письмахъ какъ своего „любимаго поэта“.

Несмотря на то, Таллеръ и Тагедорнъ представляли два великія, вразидебныя по ихъ природе направленія поэзіи и взгляда на жизнь, которыя въ ихъ время, какъ и въ другія времена, раздѣляли другъ отъ друга цѣлыя группы нѣмецкихъ поэтовъ. Тамбуръ и Швейцарія были двумя цензурами различныхъ культурныхъ круговъ, которыя распростирались все шире, сталкивались, перестыкали другъ друга, боролись, сшибались и наконецъ оба были изчуждены новыми силами.

Направление Тагедорна распространилось на Лейпцигъ: черезъ него получили свой литературный характеръ Нижняя и Верхняя Саксонія. Направление Таллера раздѣляли историческіе ученые, развили его географически и черезъ своихъ союзниковъ проникли въ Пруссію, въ Галле, Берлинъ, тогда какъ на югъ къ нимъ склоняется вся алеманнская область.

Алеманскій Верхній Рейнъ, какъ бы Тоген, Швауфененъ, некогда, въ XII столѣтіи, были предсавителями прогресса, но иду зѣльмъ какъ саксонцы ослабли консерваторами. Именн, въ XVIII, саксонцы были склонны къ прогрессу, а алеманцы были консервативны. Въ то время цензура экономери Германия были на юго-западѣ: зѣльмъ отъ передвинулся на стѣверь. Но когда зѣльмъ южная земли

древнейшей культуры снова обнаружили живую
глубельность, но они могли прозвонно забыть
индивидуальной утонченности стверга больше
критично оригинальности, большую силу звука
и больше вярвий интересъ къ специально
германскимъ суремлениямъ повѣйнаго духа.

Гамбургская и лейпцигская литература осно-
вывается на естественномъ английсконъ, француз-
сконъ и народномъ элементонъ; она всегда была
вполнѣ новой, смотрѣла впередъ и была откры-
та новѣйшимъ импульсамъ. Швейцарцы были
советомъ подчинены французскому образованию;
въ нѣхъ высшимъ сословіемъ французскій языкъ
былъ больше въ ходѣ, чѣмъ верхне-нѣмецкій
литературный языкъ: но когда они сломали эту
цѣпь, подымаясь въ патристическомъ возбуденіи
и въ своей стороне искали свободы, опираясь на
Англію, то нѣхъ взглядъ чиналъ, какъ бы по нѣди,
разильному средству, на два высшія въ своемъ
родѣ проявленія германской силы и искусства,
на Шиллера и Шекспира.

Тотмедь хорошо зналъ древнейшую нѣмец-
кую литературу; но его практическій интересъ
принадлежалъ новѣйшей драмѣ французскаго
сцила. Неманцы мало заботились о художествен-
номъ театрѣ; но въ Страсбургѣ Шиллеръ, Мерцъ,
Оберлинъ обширными изданіями заботились объ
изученіи древне-нѣмецкой литературы и языка,
а ученые швейцарцы снова стали рекомендовать
общественному вниманію Мантедонгероу, именно

о Нибелунгах, придворный эпос.

Въ Гамбурге и Лейпциге старательно отделяли религиозную жизнь от области эстетическ.; Теллереръ откинул свои комедии отъ всякаго намека на божественные предметы; а библейскій оборотъ, которые молодой Тегер привезъ изъ Франкфурта, были запрещены въ разговоры. Но какъ у Тагедорна, такъ и у лейпцигскихъ поэтовъ веселая поэзия, и поэты и поэты мирно возмущала рядовъ съ поэтическими молитвами и духовными пьесами. Веселое мировоззрѣніе и прощадливая религиозность, оба строго ограниченная въ ихъ особой области, превосходно уживались другъ съ другомъ. Со всеми франкъ благочестивый Теллереръ своей комедіей, "die Betschwester" нова дакъ некоторый соблазна надобно, и въ думай; и все-таки религія и церковь были возмущены изъ ихъ пресвятого единодерзна, видя надъ сердцами людей. Напрорывъ, въ алеманнскихъ земляхъ она господствовала такъ же крепко, какъ во время Реформации. Грасбургскій университетъ былъ гнѣздою протестантской ортодоксим; въ Вюртембергѣ прошли глубокие корни низверженъ; наизраза швейцарскихъ городовъ строго откинул признанную церковь: повсюду науку подчинили изъ геологич., рядовъ съ второй для готовили и передъ суетворитель и придерживались строгой жизни, доброй нравовъ, пуриганскаго поведения. Виландъ утверждалъ, что доглаголю одного бала, чтобы безразличны были цторих, скихъ тауризовъ и вызвалъ даже изъ усть мало-

пожили и грудными младенцами предсказание
о гибели такой взорой Никевин.

Взорь серьезный, иногда мрачный религиозный
и нравственный духъ живеетъ въ ехидноборетн,
днхъ Таллера и рожко оуликаеетъ оу лейнцигевоу
вселоснн. Онъ одушевляеетъ законъ передовоитъ мн,
герадуркнотъ Бойцова Цториха, Бодмера и Брей,
зингера, и подындаеетъ мнхъ признаетъ въ духовноннхъ
эпохъ всешнро возможноу форму поэзн.

1698+1783.

Тогапнхъ Яковъ Бодмеръ (Bodmer) родилея въ
1698 г. въ Грейфенгау близъ Цториха, занималея
въ университетѣ теологнн, пнзалея поэзн въ
северной Италн заннрлея коммерцен, но въ
1719 г. снова вернулея на родину, къ науцн и
поэзн, съ 1725 г. ^{до 1737} профессоромъ геллнстнческой перорн
и полиднкн въ Цторихѣ, съ 1737 г. членомъ болъ,
правнтельсвереннаго
того совѣта, въ 1775 г. удалилея оу вѣтъ мнхъ
мнннхъ днхъ и чнхъ въ 1783 г. Тогапнхъ Яковъ

1701+1776.

Брейзингеръ (Breitinger) родилея въ 1701 г. въ Цтори,
хъ, получилъ въ 1720 г. духовное званн, Слнхъ про,
фессоромъ еврейскаго и греческаго Языкнхъ съ
1731 г. и съ 1745 г. каноннкнхъ въ Цторихѣ и
чнхъ въ 1776 г.

Бодмера и Брейзингера болн прнблнзуемо
рѣать ннхъ мнхъ, какъ Тогапнхъ. Первый - Бодмеръ -
болн чловѣкомъ гнхърнхъ, срнхъднхъ впередъ,
гозовнхъ на споръ, славолюбнхъ; взорнхъ - Брей,
зингеръ - скропнхъ, разсуднхъ, основахъ,
ннхъ, мнхъ чловѣкомъ. Первый - исторнкнхъ, пере,
воднхъ, поэзн съ малнхъ галапнхъ, но съ

большой тучей производилностью, легко склон,
 ной к сатиры и повсюду задиратости; второй
 — геолог и филолог, ученый с большим зна,
 ниями и значительными заслугами в области.
 В 20-х годах XVIII столетия в немецкой
 Швейцарии, в городе Цюрихе существовало нече,
 разурное общество, немногочисленное по количе,
 ству членов, но полное добрых начинаний, соби,
 равшееся разе в недолго замкнуться о литературе
 и обсуждать произведения своих членов. Во главн
 этого общества стояли двое молодых людей, имен,
 но: Богнер и Брейтингер. Ими общество резко
 отличалось от подобных учреждений XVII сто,
 летия прежде всего тем, что имело целью
 не производство сочинений, а выработку вку,
 са и принципов для критики. Большинство его
 членов были люди с университетским образова,
 нием и знали европейские языки. Общество скоро
 основало себя органы, по образцу напечатанн в
 Лондоне в Англии, Эрнста Аддисона. Журнал
 назывался Discourse der Kaler (Беседы-Разгово,
 ры живописцев), поэтому что члены общества
 принесли псевдонимы, имена изобретеными,
 живописцев; так Богнер подписывал свои статьи
 именем Руденса, Брейтингер — Гольдгейна. В
 этом журнале они не проводили какой-либо
 новой и определенной теории для распростране,
 ния своих идей, но резко высказывали недово,
 льство современной немецкой литературой и чужди,
 чество в возможности перенести ее в Германию.

Какъ въ хомъ, залъ и въ другомъ означеніи
 Бодмера и Трейффнера сходится съ Тожмедомъ,
 которіи именно тогда срамъ забирате власто
 на итальянскомъ Парнаесть. Тожмедъ скоро дантъ,
 залъ благомыслиицъ швейцарцевъ и сталъ
 нль поддержиаватъ своины вликиель. Въ дантъ,
 наименъ своей гдъзрельмоери они одновремени,
 но съ Тожмедомъ проводили убъзидение, то ли,
 фература и поэзія не съзрелько забава праздноу
 людей, а дголо оеель серьезное, что литература
 должна руководитъ общеувоны и въ то же вре,
 ндъ слушиутъ показателель духоваго еро развизид
 и нравственнаго созоднид. И швейцарцы, и Тож
 медъ были убъзидены, что поэзія съзр програ,
 значіе природъ, но дальше они расходились,
 хотя на первое время и не кубеувовали згоо:
 Тожмедъ, ученикъ Буало, были убъзидены, что
 поэзія долженель прибавитъ къ природъ кубеуво
 мери и разумъ; Бодмеръ приимеивалъ гораздо
 больше значеніа воображеніа и еиль кубеува.
 Различіе рязко ощузилоел на францахъ: въ на,
 чалтъ урицарель годовъ Бодмера, неудоулеуво,
 рдвнидъ отъ французали, ни итальдониали
 и кубеувовавши, что анулиналъ поэзія не годитъ,
 едъ для новыель людей, намель свой идеаль но,
 баго поэта въ милзотонъ; издавалъ въ 17322. хро.
 замескій пересказъ еро, Позердннаго радъ, оеель
 въ предисловіи съ убасненіель говоритъ о Шек.
 спиртъ и высказываель убъзидение, что милзотонъ
 — величайшій эмикъ въ мірѣ. Тожмедъ не озри,

цаль силы воображенія въ Мильзонта, но смоз-
рять на него какъ на талантъ не воспизаю-
ний, подобно тому, какъ Волтеръ смозрять на
Шекспира. Когда Тожмедъ негизно висказался
прозвъ Мильзонта (въ одномъ изъ изданій своей
теоріи словесности), Подмеръ озвратилъ ему изъ,
молкъ фразеологъ. О иудеевскомъ въ поэзіи ("Abhandlung
über die Kunst der Dichtkunst in der Poesie" 17402.),
а Брейцингеръ задумалъ его въ монографіи о поэзіи,
чешскій сравненій (, Abhandlung von der Poesie,
von Abraham und dem Göttergötter des Glanzes въ
томъ же году). Тожмедъ обиделъ и молкъ за еедъ,
и за ту теорію, козороу смуршилъ онъ. Началась
мощеразурная война, вся нинициадъ Тернаидъ раз-
дѣлилась на двѣ партіи, козороу въ своей полѣ,
милкъ не изадилъ молкъсезъ прозвониковъ.

Въ одно время съ "Умираторствомъ Казомолъ" (или
французскій Сато) Тожмеда и ерилозвореніймилъ (или
французскій Готтеръ) Таллера дивилъ въ 1732 году уже упомя-
нутой прозаическій нѣмецкій переводъ Подмера:
"Miltons zweyter Theil" ("Поэтический рай"
Мильзонта). Въ предисловіи переводчикъ есылался
на Аддисона, озъ козороу (какъ молъ это уже зомель)
неходила новая озынка Мильзонта въ XVII еро-
логіи. Онъ убавленіемъ назывался также Шекспира
и назывался его "англійскимъ Софокломъ", козороу
ввелъ въ Англійю мильзонковскій разлитеръ, идири,
созомне болше ядоби, и бвилъ для Мильзонта образ-
цомъ языка. Подмеръ всегда мильмъ величайшее
озвращеніе къ римля: онъ ечилъ ее за наследство

„варварской поэзии наших древних“. Какъ въ зрѣломъ
 пункту, такъ и во вѣсѣхъ другихъ, „Позердановъ
 рай“ есть для него мажорное произведение поэзи,
 тескаго духа, лучшее изъ повѣйшихъ произведе-
 ній, какъ Библия есть самое лучшее произведение
 древнихъ, и поэтика вершина всей повѣйшей
 литературы. Этою поэзою, другъ Кроувердъ, герою
 ской литературный боецъ за англическую свободу,
 никогда не имѣлъ болѣе горячаго поклонника,
 чѣмъ ревностный исторический пафротъ. Для
 вѣсѣхъ эстетическихъ сочиненій, которыя издавалъ
 отъ и его товарищъ Фрейрингеръ, Амльотъ со-
 сраивалъ идеальное средозогіе. Это всегда зацъ,
 изаторъ, обвѣщавшая его красота, оздалживавшая
 люди, которыя имъ пренебрегавъ.

Главныйми изъ зрѣхъ эстетическихъ сочиненій
 подвинулъ въ 1740 году: нашь уже извѣстное:
 разсужденіе Бодмера о гудесномъ въ поэзи, раз-
 сужденіе Фрейрингера о призрахъ и призохъ его
 „Critische Dichtkunst“ („Критическое суждзворетво“).
 До зрѣхъ поръ вышло два изданія „Critische Dicht-
kunst“ Тозмедъ въ 1730 и 1737 годахъ, гдѣ авзоръ нѣ,
 сколько разъ молодежно указывалъ на пресекія или
 будущія работы Бодмера; и на дальшю зрѣхю
 обвѣщъ сурово не была такъ существенно раз-
 лична, какъ надо было бы думать. Если цюрихцы
 были прохвъ ривны, то Тозмедъ предовалъ введе-
 ніе сталовъ суждзвъ. Если цюрихцы вослвля-
 ли пологъ вообразеній, то и лейпцигскій цюрихецъ
 персезва приписывалъ сильное вообразеніе къ

необходимости консервации поэты. Но Торреда заболел, а о большой депрессии и, насколько ему позволили его средства, заболел о некотором издании, оно имело даже полное издание и свелось на правила греков как на последнего иезуита века: цитировали были больше невообразимы, но зато глупые, они менее естественны, но цитировали совсем не книга рецензоров для великого рода поэзии, а путешествие для открытия первоначального источника поэтической красоты. Они жили недалеко, и мысли, которых они высказывали, можно было найти уже у Торреда, только более случайными, не так выработанными, как уже сказано: оба партия были согласны, что поэзия есть подражание природе (imitatio naturae); что прекрасно и достойно изображения только новое, необходимое, что высшая суть прекрасного есть чудесное, и что это последнее всегда должно охраняться вторичными. Но какое чудесное должно было охраняться вторичными и, следовательно, поэзия, несли дозволенными, считались ли, напр., законы, ли древности у Гомера и черны у Мильтона, оба это мнения расходились. Торреда оставлял меньше простора фантазии: оно повздорил с од, велелось возражения против Гомера, оно епиграмы вынесло в туалет и Волвером против эстетически право поэты, путешествовали во имя простоты против украшений вдумок Мильтона. Теоретические взгляды цитировались и Торреда да разошлись, и это послужило поводом к ожесточению.

генной браиде. Ураки, болше старое движение, незабвенное оръ Торнеда и сначала ему не чужо, дос, по заргити прозвонположимое, выхадило из Англия. Царюхизы рязко оборвали Торнеда, и съ зрими была объявлена война. Главквилья од, разомь она возгорчалас изъ-за Тохера и Милья. жена, козъ въ ней могло участвоватъ и многое другое; а зракъ какъ швейцарскіе ученые выказа, ми здѣсь болше универсальный вкусъ, зракъ какъ они вели дало красозы прозвѣ узкоери и не, дандизма, зо побѣда"осаласъза ними. Въ зрокъ присоедишлось и зо, что какъ Швейцарид, зракъ и Тамбуръ могли воссавитъ знаменитыи. зо позровъ, съ козорвими не могли равняреть ни Торнеда, ни его приверженцы: зо были Тамлеръ и Тале, дорны. Призоиъ своиъ лучшииъ союзниковъ швейцарцы нашли въ Талле и Терлинкѣ. А ильмъ, кало Мильзона, козорало иль козълоел, дала вно, слѣдствіи иль Пруссиа. Какъ всегда бываеъ въ по, годныхъ случаяхъ, война окончилас въ пользу зой парзи, козорат сзодла за болше живучо идею, именно въ пользу швейцарцевъ, окончиласъ вельд, сзвие зого, что новое поколѣніе высказалосъ болше или менше депо въ иль пользу, и Торнедъ поже, рдиль великій кредиторъ.

Торнедъ живъ очень долго. Онъ писалъ и сриши, вздѣвъ образцовыи английскіиъ позровъ. Онъ началъ съ перевода "Почеряннаго радъ" и написалъ "Кризи, ческія разсуденія о чудесномъ въ поэзи", въ козо, риль разбирали Мильзона и его знаменіе, озеранвади

английского поэта отъ нападковъ Вольтера и Гю.
 меда. Поэме отъ сочинителя ^{оригинальная} эпическая поэмы, какъ-
 то: „Die Noachide“ (Ноехуда 1750г.), „Die Sündfluth“ (По-
 зонь) и др., козоровъ какъ подражанія эпике Клон,
 шюка совершенно ^{в обработанье} ничтожны, но все-таки ишькоже
 прекрасный чюсца. — Диче незнализуельные его драмы,
 но между прочими въ ниль обработанье озересрвен,
 носе стюмезы, какъ, напр.: „Wilhelm Tell“, „Arnold von
 Bressia in Zürich“ и з.д. Но Подмеръ оказалъ особен.,
 но большую услугу литературы изданьемъ книги,
 зингеровъ, Ниделунговъ, сочинений Себастиана Баха
 и Фихарха.

Какъ уже сказано, Подмеръ жилъ очень долго (85 летъ) и
 итьмъ сгасере видюже разевюже зой национальнуй
 поэзи, о козорой отъ мечталъ съ юности. „Я жилъ
 на перешейке, восклицалъ отъ, козорый ведетъ
 отъ желтужнаго быка къ золотому“. Дойсуйвелъ,
 но, зрудно назваеъ другого кризика и знаюка м,
 зеразурь, козорый итьмъ случай видюже закое бле.
 срдичнее оуцесрвление своихъ надеждъ: въ 1748г.
 были напечатаны первый пьесы Мессиада Клон,
 шюка, въ 1749г. вышла „Весна“ (Der Frühling)
 Клейера, а затъмъ появилъ итальянъ рядъ произ-
 веденій Виланда, написанный въ духъ Подмера,
 положимъ, Бодмеръ разочаровалъ въ Клоншюка,
 какъ въ человека; положимъ, Виландъ итьмъ,
 ниль ему и передалъ на сторону безбожнаго Вольт-
 зери и Простъзиделей, но молодое поколенье, въ,
 сзунившее на мюзературное поприще въ семиде,
 сзубиль годаль, оуцесрвляло и развивало дальте

Уго другия драмы: „Maxim Balthus“, „Timoleon“ и „Cajus Gracchus“
 итькоже стюмезовъ предмеръ нъ финской пюзорин.

основная идея старого швейцарца, который при
 том же уме распространял его друг Брейтингер
 в своем сочинении „Критическое суждение о
 (Kritische Dichtkunst)“.

Бодмер и Брейтингер заслужили такое снисхожде-
 ние к себе, конечно, беззастыжностью преданности
 чуждым и низменным идеям, а в частности
 некрепкому и фолкловному патристизму, ко-
 торый выразился, между прочим, в их уважении
 к итальянской сардине: они открыли в париж-
 ской библиотеке знаменитую Марсееву руко-
 пись — превосходный сборник суждений
 Миттезингера, и несмотря на равнодушие, с
 которым публика отнеслась к их открытию,
 напечатали ее целиком. На основании этого
 Миттезингера и памфлетиков средневековой
 поэзии, изданных ранее, Бодмер открыл, можно
 сказать, эпоху Гоеттизауфенов в ее поэтической
 культуре и так долго и настойчиво звал
 о ней, что к концу своей карьеры увлек за
 собой многих. Хотя же Бодмер, как мы уже
 знаем, сначала перевел, а затем пересказал
 публике Виделунгов и побудил Мюллера из-
 дать их; он же подготовил первое издание
 Парцивалля; воспоминание, которое упоминал мо-
 лодой Тейзе перед Сраасбургскими соборами, и
 его Тейзе-фотон-Берлихинген были подготовлены,
 как и образцы, швейцарскими критиками.

В конце концов мы можем сказать, что
 Бодмер и Брейтингер привели деловую свою

„Marcellus Sittling“, потому что звали сборник так
 предполагая сочинение рыцаря „Rüdiger Marcellus“.

интересы и гряды. Они работали сообща в ежене-
дельном журнале, они работали сообща над
основами научной эстетики, боролись оба за при-
знание Таллера и Миллтона и прозвись диктатору-
ры Тожмеда в области вкуса, и оба, какъ Тал-
леръ, слухили сравнительно болге свободному
религиозному направлению прозвись узкой швей-
царской церковности.

По инициативе швейцарцевъ ободрялись и
друге писатели воззвуха прозвись всемоуцаго
лейпцигскаго диктатора вкуса; напр, какъ уже из-
вестно Пира майнелъ, *Frucht, daß die Gottheit,*
Differenz der Gerechtigkeit (Доказательство,
что Тожмедова секса испорзвись вкусомъ) и Мусковъ
приехалъ къ сзороны швейцарцевъ въ „*Manche*
zu Heineskens Unversatzung der Abfindung Longins
, Vom Fortwahn“ въ Предисловии Гейнекекель пере,
веденной сзачки Лонгина „*O. Восвешенство*“).

Догановъ (или Криезиановъ) Людвиль Мусковъ род.
1701 г. въ Виттенбургъ (Мекленбургскаго герцогства),
учился (въ 1718) въ Ровзонтъ, позовъ въ Гетт и Тал-
ле юриспруденции; въ 1735 г. отов отправился какъ
зайный легационный секретарь герцога Карла Ле-
опольда Мекленбургскаго въ Паризь; былъ въ 1741 г.
секретарель саксонскаго министра графа фронъ-Бра-
ля, позовъ королевскимъ секретарель и 1745 году
криезарель-членомъ военнаго совзоза. Велтадервие
окровеннаго оззвья о графъ фронъ-Брмль попалъ
въ слядервенный арестъ, позердль своего должностъ
(въ 1750 г.), удалился въ деревню — въ свое имение, Ветгъ

у Курца: Свон. Лидв. Лисав, у Шерта: Johann Ludw. Liscov.

Близ Дилембурга, где он умер в 1760 г.

Лисков писал очень прозаич. сатиры. Так он описывал ученую педантизм, в "Послании ученого сапожника о заперзвешных окошечках срезанных". Еще сильнее возмущал он прозвучать толкучку писателей в сатиры "Дом Митран иль как поф. приказчик Плавинг Семивантай", доказывая иль необходимость знать, что они подходят подь одиной унизительной урочень сь необразованной голубого, потиматощего иль и согузвучощего иль, потому что они подходят ей по илечу, тогда как хорошие писатели ходят перевозим, фарь все створь и вообразнаторь, что они образ, чинять глумцовь, говоря иль правду. Лисков иль так самокритично промизачиваеть, такую ветость и живучесть сзидь, как до сие порь ^{еще} ни одиной немецкий писатель. Он был человек складного ума, образованного вкуса, много и большого оустроумия и дальновидный по убожи, дендиль.

II. Немецкая литература во второй половине XVIII века.

Со середины XVIII столетия родилась у саредь, иль впереди немецкий поэтов сознательная, поущесственна драматическая прозимоколосимоесть какь французской просветительной такь и формальной правильности французской литературы. Не только оудольно и иносказательно, но повебоду и сознань, но суремилшев кь полной независимости немецкой поэзии. Даже померзальское присоединение

*) О выгодах и не-
обходимости
платить, т.е.
каль - парку,
нале.

ю англичанамъ основалось на удобствѣн, что они средоземныи и болѣе согласны съ взглядами, склонностями и духовными направленіями германскаго народа. Начало XVIII столѣтія видѣло нѣмецкую литературу на низшей ступени упадка. Напротивъ, конецъ того же самаго столѣтія видѣло произвожденіе нѣмецкой поэзіи, самое богатѣйшее и могущественнѣйшее развитіе, въ чело новаѣ литература съ конца ослаблѣннаго XVI столѣтія могла вообще угаснуть. Въ теченіи нѣсколькихъ десятилетій нѣмецкой литературы перееало преемное презрѣніе противъ нея всестранно сословіи, коренившимися въ иносознательное образованіе, гупое равнодушіе нѣмецкаго бюрократическаго противъ вѣтъ умеренныи среднелетій превратилось въ поворозливое, злое, всеохватное угасеніе. Итакъ, нѣмецкая литература сдѣлалась примѣромъ и образцовою для освобожденія и обновленія и другихъ націй, окальвившихъ литературу Европы.

1. Клопштокъ и его школа.

Въ то время, какъ просвѣщеніе веходило на тропы, изъ насуроеній низшиа образовался густой поэтический духъ, который увлекъ за собой благороднѣйшихъ людей націй и возбудилъ величайшее религіозно-поэтическое одушевленіе иже, но въ форму Мессіи, котораго Фридрихъ Великій такъ высокопечерно называлъ голъко свѣтомъ иудейскаго плотника.

1724-1803. Фридрихъ-Готлибъ Клопштокъ (К. Копетокъ) род. 2 июля 1724г.

в Кведлинбурге у Тарца, в семье сына одного
 короля; религиозное настроение было для него
 и очевидным и семейным преданием,
 ибо в Кведлинбурге в свои последние годы Кри-
 стиан Риббери (Seives 1629 + 1693 i.), ^{дворянин} ^{добрым проф.} ^{Том.}
 (1666 + 1714) ^{проповедник} основатель своего историко-церковн.,
 и патристического и сепаратистского нашего замка благо-
 приличию поше, замка была сильная партия ^{католика} низри-
 ского и глубокая религиозность была для него не
 только общественной, но и семейной традицией, про его
 отца, сильного, сраблого человека, с гордой мужья,
 священником, рассказываю, что наладке однажды
 в обществу людей, слишком много говоривших
 о религии, он ударил рукою по лицу и ска,
 замка: „Господа, кто нам теперь говорит прозвие
 Господа бога, зорь будущее ильтея дало со мною?
 Сильное губство соборного достроения перешло
 от отца к сыну, и если это губство достроения
 сравнить с робостью и угнетенностью Теллер-
 га, то бросаю в глаза различия между нре-
 ским и саксонским характерами. Будущий
 позрь вырос в деревне, в дворянской свобо-
 де, которой он наслаждался, збердо устроени-
 я главней чертой его характера: это была на-
 зуря гимназия, с сильной позредностью зьлес,
 наго движения, малой склонностью к всеорон-
 нему развитию ума, возбужденной низко губства
 и энергическим сосредоточением воли в узкой
 области, на одной из них, которую он рано себя
 поставил и которую затьм неизменно сохра-

идея. Она ощущалась вечною ипохондией и не могла никогда освободиться от какой-то нездоровой вихляемости в постижении мира. В одной из саксонских княжеских школ в Шмаль-Перрофе она была пригласлена в университет. Еще в гимназии родного города приняла эту мысль написать национальную эпическую поэму, героем которой она хотела избрать извещенного в народный легион короля Генриха Пруцелова. Проект эпопеи, однако, остался неисполненным. Уже в школе, она записывала кристическими стихами Богнера, а пьеска Триффингера была ее ^{эпопеическою} идиллией; в холодному Тошмеу она губервовала анжина, зисо; в религиозно-православных швейцарцах она видела выражение соборственной мысли. Богнер написал в александрийских стихах ряд изречений немецкой литературы и затем предсказывала появление в Германии великого эпископа; губервуд в себе эпический снарь, Клоппшток летал еще в школе ощущать это предсказание и выбрала себя сюжетом во вконец Богнера — эпосу Мессин. Первая пьеса „Мессиада“ набросана в 1745 г., когда Клоппшток поступил в лембургский университет, на богословский факультет. В 1746 г. она перешла в лейпцигский университет. В университете она занималась и теологией, и филологией, но не привлекали ее ни эзотерично ни теология, ни филология, она не желала сосредоточить свои занятия на какой-нибудь специальности, как собирались брать только поэзию.

1. Kritische Dichtkunst

Онъ присоединился къ авторамъ Бременскихъ
 ; Verträge. Въ 1748 г. онъ получилъ отъ своего дома,
 нно учителя въ Лангензальцте, за что въ 1750 г.
 его пригласили Бадлеръ къ себѣ въ Цюрихъ, а
 въ 1751 г. принявъ приглашение министра Берн,
 сторафа поселился въ Коненгагенъ, гдѣ онъ вы,
 хлопоталъ себѣ отъ датскаго короля пенсію во
 четверста залеровъ до окончанія Мессіада. Въ 1754 г.
 въ Коненгагенъ (въ Тамбурт) онъ женился, но овдо,
 воль спустя четыре года (1758), возвратился въ Торна,
 нно, жилъ попеременно въ Брауншвейгѣ, Квед,
 лимбургѣ и Бранденбургѣ, въ 1763 г. онъ озиранил,
 ся опять въ Коненгагенъ, но послѣ наденія Берн,
 сторафа Клонихоку поселился съ 1771 г. въ Там,
 бурт, удерживая датскую пенсію и пользуясь при,
 мованью оффициальнымъ положеніемъ. Благо,
 прирзанъ судьба узрела закъ, что Клонихоку
 на самомъ дѣлѣ удалось быть только поэтомъ,
 что ^{король} датскій, а позднѣе и маркграфъ Баденскій
 заботились объ его матеріальной жизни и что
 фактъ образованія его поэзія доставила ему не
 только меланхолическую славу, но также покровите,
 лей и меценатовъ, каковы ему хотѣлось. Въ
 1791 г., въ глубокой старости онъ женился во
 второй разъ. Онъ умеръ 14 марта 1803 г., въ Тамбурт,
 не переживъ своей славы, но переживъ популяр,
 ность.

→ откуда онъ годъ сму,
 едъ возвратился къ при,
 бавной охрановкѣ,
 среди которой и окон,
 чилъ въ 1773 г. Мессі,
 аду. Съ 1775 г. Клон,
 ихоку предавался поэ,
 родическимъ изыскані,
 яль о языкъ и поэзі,
 гораздо болѣе, нежели,
 ли поэтическому твор,
 честву, если не смъ.
 фактъ его величій въ
 прекрасно написан,
 ность одъ.

Клонихоку ерало поэтомъ по предсказанію
 швейцарцевъ, онъ задумалъ исполнить пророче,
 ерво бодлера о будущемъ шикескомъ поэте кѣмъ,

1) Кривоверменный, грезвѣтливо сладливый дракъ его съ Маргаритой
 (Мета) Моллеръ былъ прерванъ въ скартство. Клонихоку

2) Онъ бѣжалъ отъ противъ нѣкоторыхъ десятковъ лѣтъ въ Тамбурт и срабилъ зрѣть городъ Зольско
 въ 1775 г., събоду приглашенію маркграфа Карла Фридриха Баденскаго приѣхавъ въ Карлсруэ,

целью. И когда въ 1743 г. онъ напечаталъ въ Вре, тес Beiträge (въ бременскихъ прибавленияхъ) три первые книги Мессиады, то Бодмеръ привозезво, валь иль восзорженено, найдя въ лицѣ Клон, шюка пылцакало Милбзона, т.е. олицеезвление своего идеала; но Тодмеръ и его парзид оунесиле къ новой поэме, таль коллодно. Тодмеръ, какъ уже знаеме, приласиле Клоншюка къ себѣ въ Цюрихъ, и зоръ приидле ело приласение; но личное знакомиство скорте испорзило, таль улу, шило иль оуношение: Тодмеръ въ это время била уже далеко те молодъ, но швейцарски сурго въ нравезвенномъ оуношении и порядочно педан. зичене; онъ вообразиле, что Клоншюка будере проводире все время съ нимъ и унезвенно ни, зарея ело насазвенидли. А Клоншюка била колотно жизни, суредере по вкуеале и приво, кале, мобире^{Зюхера} вина и поцолцево хорошеве, киле шенициов. Кририкъ и поэре не сошилел и разерилел оеме недовольные другъ другомъ.

Когда въ 1745 г. Клоншюка оставиле школу, онъ уже созавиле планъ Мессиады и довольно де, но наемкнуле одъ эголе въ своей прощальной рочи о еуцеезве и призвании эписекаго поэра. Средозориеме ело зворсеезва долонене биль охаре воззвиементиймий стозмере, наидолте близкий религиозному сердцу, цевире Хриезианскиль мис. лей, сурдацие и смерре, воскресение и вознесение Спасителя. До него работали здесе эписекие оны, зор древне-Хриезианскиль и гуманозипескиль поэрове,

Въ содер.
снати
Мессиады

Мессіада IX ермитажъ, народный драма XV и XVI вв.,
 Эпическая, лирическая, прозаически популярный
 изложение XVII-го, оратория XVIII века: это были
 самый народный предметъ, какой отъ насъ воспринял;
 и отъ еще не были изобретены ни однимъ писателемъ,
 землемъ, никто не былъ приведенъ, какъ сказать,
 въ окончательную форму, какъ история Грехопада,
 ия у Шиллера, съ королемъ, камнепадъ, никто бы да еще
 не могъ соперничать. Выходитъ съ злымъ передъ ма,
 замъ поэта средь Шиллера, и лучшаго образа,
 ца не могло быть: Шиллеръ далъ самое высокое,
 шее, что возможно было дать въ Библейской тра-
 дии: великие поэмы въ сильныхъ контрастахъ;
 все изображено человѣчески съ методично мисо-
 логической фантазией по английской школе. Тонъ,
 ангель и дьявольскія одарены, правда, сверхъчело-
 вѣческими силами, но въ иль душевной жиз-
 ни отъ всегда подымы и зовуть къ сочувствію;
 Адамъ и два маскерскія подымы безъ преуве-
 личенной идеализации; очень много пыжноты,
 но не въ ущербъ силъ; много эпическое настро-
 еніе, несмотря на приключенный разномыслия
 поэта; безъ полное творческое пониманіе жизни,
 ной правды, которое выше всего изъяснить практи-
 ческую мудрость, и съ безоглядной звероостью
 и музыкальностью настроеніемъ, несмотря на од-
 рожаный вѣкъ, въ которой отъ шилъ, поэты
 чинили изобразить рай безъ эгегетически созна-
 тельной о прошедшемъ и, несмотря на свою ель,
 поэту, чинили изобразить прекрасной видимой

миръ безъ розки. Двойсудимно, Клонихозокъ мисо.
 гонимъ научился у Милзона, и очень хорошия вещи,
 изобразиле ада, совьязаніе бѣсовъ, иль прозиво.
 рогівъ, наказаніе иль посредствомъ превращенія,
 тузи сердце вселенную, по которому срашазву.
 юрь и лозаторъ дѣволы и ангелы, и въ заключе,
 віе видиме срашнаго суда и пр., все это — за-
 мислованія или подражанія. Поэричному
 рато? Но Клонихозокъ далеко недогадочно научил,
 ся у Милзона. Въ то время какъ Милзотокъ вѣдѣть
 насъ изъ ада въ рай, изъ мрака выводилъ на свѣтъ
 и за срашныи у него слѣдуютъ мирное, Клон,
 изокъ ея самаго начала срашея распространяе
 возможно больше блеску и удерживае насъ въ без-
 зѣлесныхъ однообразныхъ областахъ, такъ что
 отъ конечно побуждаеъ искажъ контраста, но искажъ
 оръ земельской скуки. Въ то время какъ мисо.
 зотокъ дѣлаеъ все, чтобы не даваеъ ослабѣеъ импресю,
 забываетъ оъ единствѣ композиціи и поводитъ
 почти движениіи двойсудимъ и вѣдѣть приковываеъ
 вниманіе наглядности вымышленныхъ событій, Клон,
 штокъ зотско очень медленно подвигаеъ реченіе
 событій, создавающее миръ его поэмы, и сопровож-
 даеъ каждый шагъ губерваланъ вѣнхъ зрителей: ду,
 шевное созданіе мессіи и озраженіе зото соедине-
 нія въ думашъ зрителей небесныхъ, земныхъ и ад-
 скихъ — на зтомъ основываеъ для него главный
 импресю, а такъ ^{како} скала зрѣль ощущеній давала мисо
 кельного зотокъ, то только зотскіе мозги ея прико-
 дитъ безконечно повторяеъ, и изложенія губервѣ

всегда выходить у него слишком длинные, они на-
 мало не сгущаясь изображают характеры дэйсвид,
 ель, а пользуются наивысшим негодом прямой харак-
 теристики, очень проливается хоронимым традициям
 Эноса. Дэйсвид они так же ясно рассказывает, что
 часом не знаешь, что случилось. Непрерывное вын-
 жательство неземных миров предвзвезд безпрестан-
 ной перемещены мисса дэйсвид; повсюду являющая
 ангелы и миссавозы реальному ходу событий. Та-
 кой случай, как бы дичевание, дэйсвидеет советами
 не захитов погрязеюшим образом, как бы было
 должно, потому что слишком погрязею саль-
 позе, и зато, где они должны бы были рисовать
 звездой рукой, они хотели быть только в плату,
 щелью зонта (или так или иначе или иначе),
 а в романистический моменте заявлять, что ему
 не под силу быть о вестях срадаемивы Второго
 Сына. Также как герой срадаеет только по своей
 воле, а Эноса любит сильные контрасты, по было
 бы естественно переменить борьбу в (земный ад-
 маси и, напр., изображать ангелов и дэвалов
 в борьбе из-за кресла; но это было бы пролив
 должного уважения, пролив обидительской возвы-
 шенности: небесная сила Клонизока срадаеет,
 сд только взглядом, который зовется излага,
 поже вестях адских дэхов. Возвышенное у Клон-
 изока заносится слишком высоко; его позид
 живех и движех именно злыми безплодными
 разномыслиями, которые осуждаеет Миссавоз;
 и сколько бы миссавоз ни случилось ему образом,

его Мессиада суюрга Ближе къ духовнымъ ора-
 ридомъ, чымъ къ „Позердыному раво“. Жизнь Исуса
 вызвала къ различнымленю и губеву (удругитъ
 писателей (напр. „Эррида“ и Кохель) раньше Клон-
 шюка, но Эррида (въ своемъ „Evangelienbuch“ 867
 или 868?) оудталла разеказо оуб поугеня, ^{кануцима} назеръ Каринъ фонъ-
 Кохель раздталла разеказо и молузу; ^{онъ писалъ} жизнь Исуса
 еурадноу музоикъ эмескй элементъ мнголь (1689?) и дозавилъ
 свое право рѣдомъ еъ губевомъ: напрозаву, у Клон-
 шюка разеказо и губевъ совершенно смѣшавъ,
 и оуб зго разеказо неоправильно поуградиль.
 Онъ — лирикъ, замаскировавшийся эникомъ. Погелу
 онъ не хозгалъ оугаръся лирикомъ и, какъ Ан-
 галь Силезиусъ (Angelus Silesius = Johannes Scheffler,
 1624 + 1677), сопровозидатъ еураданиа Тенода своики
 губевати соеуграданиа? Насколько выше Клоншю-
 ка суюрга назеръ Кохель, какъ разеказникъ! Онъ
 едталла зо, что пронуекутъ Клоншюговъ, разра-
 ботавъ догали, давъ болшую погмозу извѣствованъ
 повтосзвобанидиль, еугренился къ Яконоу изобра-
 жениа мѣстомерей и едталла все возмоикое для
 наглѣдноети. Клоншюкъ долметъ быть предеза.
 вилъ себѣ древнее соеуграние Палеерина; долметъ
 быть музикъ описаниа муземезвий; долметъ быть
 музикъ духовныхъ мнго окривоаоций его народа,
 тобви найзи наивной черзы, козорыми бы онъ мочи
 охарактеризоватъ народъ пресидяго времени; дол-
 метъ быть музикъ духовныхъ мнго и франзиковъ
 своего времени, тобви помуикъ черзы для кнати,
 никовъ и фарисеевъ. Но онъ не думалъ одъ зтомъ!

Historical
 Kocher
 Каринъ фонъ-
 Кохель
 жизнь Исуса
 (1689?) и дозавилъ
 извѣствованъ
 мушимъ каромъ
 гекиль назидаръ
 ниль кнати. Онъ
 факте германъ въ
 мезуеской мнго
 разуръ едталла въ
 ково; зо, что едтал-
 лами и мнго
 нль надѣжметъ у
 зматъ о жизни
 Спасиельдъ ирино
 средезвъ видений
 соеуграданиа для
 него важной
 негорисеккй не
 зомикъ. На рѣ-
 ду еъ звилъ онъ
 дозволитъ себѣ
 соеуграние изо-
 брзоидъ, прикра-
 са и описаниа
 романисеккаго
 свойства. За
 короткимъ
 оудталла раз-
 сказа правиль-
 но едталла
 молузу.

1) въ своемъ едикозворениидиль; ^{Харуфинскй еуграники}
 „Sinnliche Weltanschauung des Hohen Lutherischen“
 wie jeder recht nach dem Sinne.

Они рисовали советами без изучений, без изучений
 из жизни и из книги, и все брали только из
 своего сердца, серьезное губерво измилъ въ идиотской
 прелезной формѣ на свои дванезвучица лица, при-
 дали изъ словами, осанкѣ, походкѣ и мизу вели-
 чие и доощивево, послали мизу губерва даме въ
 адъ и закили образомъ, подобно духовникомъ поэтанъ
 XII вѣка, мизилъ религиозное насстроение его ефро-
 поези. Какъ безчеловочно мизероко обрацаеся на,
 зерь Коделъ со своими чизраждани! Клонизроко
 озорозно прозалкиваеся насъ мизо с'ураициево
 сценъ и задерживаеся передъ зилкии, итоскии,
 поэтискии, передъ "человочноево": Но первый
 двоишвучеъ мизескии фредервалд, а второй с'араеф.
 ея все свеери къ мизикѣ и зрилъ напоминаеся
 "Мессиду" Теидель, козорви били с'арше золько мизу
 на селъ и советамъ озраея оръ разеказа. Но
 это подходило для мизна и мизки, зо не годи-
 лось для эпоеа; и въ зо время какъ Теидель дер-
 мался Библин, Клонизроко били, насковско воз-
 можно, далеко оръ Библин. Клонизроко, задумавъ
 "Мессиду", козорви, ^{нрава,} первоначаломъ ограмизеся по-
 зитескии изобразениемъ земной мизии Христа,
 его с'радани и слави по воскресени, согласно по-
 вощвованию евангелисзавъ; но, мизавъ мизахъ
 поэту въ зрой зольки зронид, они скоро погуберво-
 валъ, что мизескии били поэкроуэ змитеское,
 слдываеельно зредутощее зркии образъ, произ-
 ведение на зиль скудикии фразавъ, козорви даерь
 евангелиа, фразавъ, совершенно мизескии зркии

высокой образности и поэтической силы. Этим
 необходимым для великого поэтического произведе-
 ния акрибутов в евангелии нечего было искать
 — и родом в евангелийских сказаниях Клон,
 шток принял присочинить целый ряд лиц
 и фразов, которых должны были пополнишь зорь
 проболь. Отсюда создание яркого образа сазаны
 и других лиц поэмы. Создание образов, создан-
 ных по правилам древнего эпоса, в бидлейско-
 легендарных характеров другой половины поэмы
 обличало ее раздвоенность и невидимое в
 злом. Несовпадение фразов, введенных в поэму
 двумя половинами поэмы, берется на каждую
 тая. Так, в характере сазаны превосходно вы-
 сажено его суровое поученье во что бы то ни
 стало Христа, причем очень жадно жалеет его смер-
 ти. Терза эта изображена замечательно хорошо, но,
 сопоставленная с злом, что говорит евангелие,
 она наводит на мысль: какими же образом ее,
 жана, возмездие жалеет земной смерти Христа, если
 она знает, что эта самая смерть должна искупить
 людей и положить конец его владычеству? Раз,
 славящаяся в гасности, поэма предельно без-
 пресказная и словесная, обличающая двойственность
 ее характера. Так созданные Клоном шток образы,
 зои ангелов обличают поэтическую терза, если смоз-
 рать на них просто, как на созданные французского
 художника разумной существа. Но это не зои ан-
 гелы, о которых говорит евангелие, же,
 существа без всякой воли, страсти и индивидуаль-

ного характера, воплощающий в себе единство,
по идею покорности и исполнения воли божества.
Клоушкова, как все мирские поэты вообще,
почти совершенно не учитывала, как это уже сказано,
индивидуализировать характеры своих лиц, что
замечается во всей „Мессиаде“. Меркль замечает
объ этой поэме: Сравнение Клоушкова с Мильто-
ном, которое померяет всего скорее придти в
голову, весьма невыгодно для первого. Для при-
мера сравните только сазанию Бриганица с Ада-
донной немецкого поэта. Какой колоссальный
эпический образ представляется первый, и что за
эпически-пламенный паренъ — второй! Объ фи-
гуры вконецъ съ злымъ полухъ дахъ ясно понятие
о характере одушевления свободного или зворизевъ.
Какъ положительно республиканизмъ Мильтона,
и какъ абстрактно воодушевление свободы у Клоу-
шкова, который сначала радостно приветствовалъ
французскую революцию, а поэму филистерски
проклиналъ ее, когда она начала переходить
изъ теории въ практику. ✕

Сало-бортъ, „Мессиада“, не смотря на ее известность,
далеко не представляеть достоянствъ, которыми пол-
ны другія сочиненія Клоушкова. У нас самая идея
произведения заключаетъ въ себѣ ошибку. Задумать
эпопею, героиню которой должны двѣваться Христовъ,
значило совмѣстить двѣ диаметрально противополо-
постины по характеру вещи: древнѣйшю и еван-
гелие. Приемъ, сдѣланный „Мессиадѣ“ современника-
ми Клоушкова, обличаетъ, что даже они, не смотря

на готовое увлекается любимыми поэтами, но, когда эту ошибку и были далеки от увлечений его колосальными по объему трудом. Если первичные песни „Мессиады“ и были привязаны к замечательному увлечению; если в ней привнесено новое немецкое искусство, благодарит которому немецкая литература, повидимому, сравнилась в ряды ее великих литературных древностей, то вопреки публики стала быстро охлаждать, по мере выхода продолжения поэмы, так что последняя часть бы, ли спасена от совершенно равнодушного приема единственно благодаря имени автора, да благозвучию и новизне стиля. Имя „Мессиады“, расхваливая на 20 песен, производило удивительно внезапное впечатление, которого не могешь искупить изложением. Если современники Клоппшюка восхитились ею, то иль подкупались в пользу произведения религиозный стилист, замечательный благочестивых людей, которых тогда было гораздо больше в числе поэтов, чем в жерне. Все-таки уже во времена Гёте и при жизни самого автора яд справедливо говорили, что ее больше хвалять, чем читать. Немецкая нация гордилась ею, как своей собственной великой эпопеей в новейшее время, но больше наслаждалась сознанием, что у нее есть такая эпопея, нежели чтением ее, и поэтому, еще менее читавшие Мессиаду, разумно, не в праве осуждать младших современников Клоппшюка. Проникновенная искреннего религиозности, близкая многим глубоко поэтическим энтузиазмом и прекрасными „красотами“

1) В то время, когда я посещал университет (гимназию), говорил, что из сотни образованных людей только прочел всю Мессиаду.

поэма Клоппшюка въ общемъ — мерзвороденное чадо, и главная причина этого въ томъ, что Клоппшюкъ, какъ уже сказано, по природѣ своей не жидокъ, а турокъ, только приучивавшимъ свой мирозмысль къ эстетическому созрѣванію; принимавшемъ за своего поэта, отнюдь къ сознанію не изучавшемъ ни Палестрины, ни людей вокругъ себя, а изливалъ (или всецѣлу) свое чужеземное сердце и свдывалъ эти излившія свои воодраженія и вконецъ, развращенны посредственно изученія Килбзона, Томера и другихъ эстетиковъ, какъ справедливо замечаетъ В. Шереръ, Мессиада гораздо болѣе подходитъ на ора, горю изъ Нового Завета, нежели на поэму.

Но зато или иначе, все-таки Мессиада составляетъ славу Клоппшюка. Я прочелъ ее какъ домашній учебникъ, гдѣ, гдѣ въ воскресные дни по вечерамъ. Но въ это время я поинтересовался еще только первымъ съездомъ: *Singn im Raubvater Pauls von Prindigen Hauptfrit folöfing.* Мессиада была окончена только въ 1773 г., а до этого поръ Клоппшюкъ напечаталъ только рядъ оговорокъ, много объема и польско-польско, бардическаго (или вѣдическаго) — графическаго предзавлеченія изъ древне-германскаго эпоса изъ Иудеи. (✕)

Болѣе живое и сильное вліяніе, чѣмъ Мессиада, произвела Клоппшюкъ своими многочисленными и разнообразными мирскими произведениями, козоровъ паразитамъ современности, кобы и формою, и содержаниемъ. Во 1-ю, языкъ Клоппшюка несравненно богаче и свободнѣе

По безмерной думѣ объ искусствѣ графическаго рода человека
екаго

Языка всяких предшествовавших ему поэтов, и
он — великий мастер одними существительными
или одними эпитетами не только даря ясное и
поэтическое представление о предмете, но и воз-
буждая в читателе то же настроение, какое бы,
но в его душе; далее, Клоппзков советовал
отказаться от рифмы и допускать поразительную
свободу размера, причем однако же, благода-
ря поэтической силе и благозвучию языка, его
стихи никогда не бывали похожи на прозу,
напечатанную короткими строчками.

Клоппзков приобрел необычайный заслуги во
развитии немецкого языка и метрики. Он с гро-
мкой несдержанной заботливостью взвешивал,
оценивал, придумывал эффекты. Ему первому
стала ясна разница в значении немецких сло-
гов, на чем основывается всякое различие
древних размеров. Он чрезвычайно обогатил
поэтический язык, когда познакомил Таллера. Но от
народа его отделила широкая пропасть. Уже гек-
заметры, месиады, элегический размер стиха,
сτροφы Горация или изобретенный или самими,
и свободные размеры его оды, которые воспеивали
ученых, удалили от него публику, напр., Таллер,
Жа и Христиана-Феликса Вейсе. И в его оде, и
в месиаде были одинаковы недосказки в силе,
как реализм и одинаковое ощущение образ,
поэзии и наглядности. Клоппзков только изрядка
чужды подражать, подражать в действительности
присущую ей поэзии; газго он дополнен был сначала

перенесши двойственность в медитативную область, вообразить живых людей умершими, прислушивающихся к себе, превращая настоящее в воображаемое будущее, чтобы найти в этой двойственности поэзию. Это оды проходили из школы Горация и скарлатинское удовольствие предписаний теоретиков, которые требовали для поэзии бурного чувства, красивого безупрочного, живого чувства, смелого безупрочия, смелости, но написанные карзаны, неожиданные скачки и остроты. Но искусственно производимый безупрочность приводил к всевозможной земности и пуританству, которых никак не могли привлечь безупрочного чужака, не имевшего классической школы. Испробованная форма, новый язык не давался сразу, так что с ними приходило много угловатостей и неуклюжести, и только немногими одами Клопштока можно наслаждаться без помех, как чужими, округленными, безупрочными художественными произведениями. Но все-таки эти оды богаты прекрасными подробностями, из которых многие Клопштока в первый раз приобрели для немецкой поэзии, и в особенности в эти оды совершается обильное развитие немецкой серьезной лирики, которое начал Таллер, а Тирк и Ланге продолжали; рядовые с нарядно-турливым матером, какому Тагедорну получили из XVII века и которую они облагородили, опираясь на новейшие образцы, узаконившая ее равными правами дружба

манера — серьезная, сдержанная, возвышенная, ко-
роткая, опирается на античные образцы, старалась из-
бавиться от глубочайших движений немецкой душев-
ной жизни; и если Мессиада навязывала духовно-
му эпохе предвещательную чувствительность, низкую
и его последователи предвещатели, то оды Клоп-
штока перевели эти пороки чувств в лирическую
область и заменили образцы способствовали тому
грандиозному взрыву сатирической злобы, которо-
му повзрослевшая классическая литература обязана
всего своим полезным и вечно своим ог-
нем. Когда Гюгеномизм смолкнет, то генерал
в поэзии суверенно закажет не германская мет-
рическая, как в религии, то они совершенно
вечно указывали важнейший литературно-исследо-
вательский факт.

В отношении содержания, Клопшток — первый
по времени национальный поэт новой Германии,
глубоко преданный своей стране и гордый ею. Силь-
ное поклонение древнему мифу, не говоря уже про
современную Францию или Италию, в его предвеще-
нии гробов и позоры. Возра как говорить этого
бывший студент лейпцигского университета и
вспомогатель Гюгеномизма: „Земля жедя, сына Швабона, ука,
своя ветка другая ивья, кроны греческой, то
ни Германов, ни Лютер, ни Лейпциг, ни то, ко-
роткая скрывает связанный Браги, не жван. Ты
не немецкий поэт, а подвигивший подражатель,
не сознаний самого себя. Пускай для жедя не бы,
вадь Маравонского Бувона и не знаешь ты безон.“

ноль носей зворнезва!" И Клопштокъ осудая въ-
реть закону воззрѣнню въ продолженіе всей
своей долгой литературной карьеры. Онъ извѣдалъ
изъ лирики общезвѣстную классическую божес-
тва и въ заботу ихъ (советамъ боже боговъ и богинь
кальда обойрелъ въ поэзіи) ввести божества ит.
менскаго, восточнаго, скандинавскаго Олимпа, хотя
и самъ недавно познакомилъ съ нимъ, а гизаръ,
лей долготель былъ вводилъ въ ить кругъ посред-
ствами приключеній.

Велико его патристиче въ науке и въ мистици-
смы въ гизарѣ, эта новая мисология была бы до
крайности смѣшна; но Клопштокъ писалъ тогда,
когда былъ вдохновленъ, и только о томъ, что вдох-
новляло его; на мисію поэта онъ смотрѣлъ съ
глубокою уваженіемъ и съумѣлъ выиграть за-
ковое ему судилище. Въ временахъ Гюгеноваго
поэты и до Клопштока только въ духовной жизни
находили себѣ выраженіе искреннаго, смѣло воз-
бужденнаго гизаризма и идеализма, какъ
отдаленіе отъ условій жизни обывательской, возно-
шеніе души надъ землею. Клопштокъ перевелъ
и въ разнообразнѣйшій сферѣ душевной жизни
гизаризма; возъ потому въ мисію полного
духовнаго блаженства Вердера и Лотца (въ ро-
манъ Тѣре) выражающа свое насрощеніе его име-
немъ! Возважь насрощеніе себѣ насрощеніе некуе,
сзва Клопштока.

Онъ старается выразить неизреченную сущность
гизаризма, привлечь затронутую самую гизаризма основы

нашего существованія; и до извѣстной степени зрѣ-
 ему удаются. Они часто говорятъ о „невыразимомъ
 чувствѣ“ и его образъ легко становится иными
 для выраженія или чувства (*fruchtlos ist Gefühl zu
 sagen*). Они нередко пользуются зыбленими опре-
 деленіями какъ „трепетъ“, „дрожь“, возвраще-
 нымаются погрѣшными нервами; сладкій утѣши
 советомъ переполняетъ душу; много содрогается
 его сердце и его зало. Духовный похристъ слѣва,
 поетъ въ удивительно завывающіе аккорды; ми,
 военной ризы возвышается почти музыкаль-
 ное дѣйствіе, а иногда больше всего этого какъ
 зрѣяетъ просное слово. Клонитъ зная, что
 просное названіе часто превышаетъ вѣжко иекуе,
 сьво описанія одной прелестью звуковъ звука.
 Но они ни мало не пренебрегаютъ описаніемъ
 и утѣшаютъ огнемъ удачно владѣющъ красивыми эн,
 фезомъ. Какой силой насрощенъ наполняютъ насъ
 много безумствъ его огу, между заль какъ далъ,
 итѣше зененіе или иногда монте удовольствовъ
 насъ! Какія полныя вдохновенія сельскія каржи,
 ны набрасываютъ отъ немногими герзали! напр,
 въ любовный одатъ): *Willkommen, o silbner Mond,
 Mönnchen, stiller Gefährt' ins Inn'r! Du entfliehst? Ach nicht,
 bleib, Gedank'freund! Darf' ich nicht, dich Gusselk
 novella mit' fin* („Добро пожаловать, серебряный
 мѣсяцъ, прекрасный, зикінъ зоваритъ ноги! Ты
 уходишь? не хоронишь, ощущаешь, друшь мысли! По,
 еможете, отъ ощущается, золько зуча прошла). Или
 другая каржина: *Auf' fin' stund' die Nacht, da fin' ein'*

weiches Grund über Hügel und Thal labante Köstlichkeit
 groß, mit unerschöpflichem Fruchts, das Hülsen zu Wein,
 Wein, Still. Das ist ein weiches Land, wie ein Gasthaus
 ist, das vom Himmel bedeckt, fruchtbar worden seit
 und die Himmelstempel Abend in der schönsten
 Dämmerung liegt (Когда природа щедрой рукой
 разливала живую краску на холмы и долины,
 она осянчилась и здает, замедляя свои шаги,
 чтобы украсить эти долины. Взгляни на него,
 тощее озеро, как его берега, чужо покрывшие
 льдом, мягко поднимаются и скрываются в
 зеленоватом сумраке мерцания вечера).

Какое здесь определенное положение, опреде-
 ленная мимикрия, которую поэту хочется срисо-
 вать, предохраняющую его от Служащих в бездну,
 пылкой, как и из любовных оды ему лучше
 всего удален от, в которых они хотели выра-
 зить не только чувство, но и ситуацию, действие.
 Так они несколько раз обрабатывают чрез,
 выходя мимикрия тогда может сбиться воз-
 мимикрия; они не обходят без условных
 роз: то они бросают на ее локоны бутоны
 роз, покрывшие росой, чтобы разбудить ее; то они
 связывают или розовыми лентами, — но в по-
 следнем случае они рываются прямо раз-
 сказывать, и получают очень много суждений.
 Нельзя удивляться от социальности, что
 Клоуны так редко касаются земли и чрез
 это мимикрия своих лучших центров. Была
 одна область, в которой они могут бы увлечь болыше

массу своего народа.

Во его духовных одах (Ода и. Пунген) сь бы,
 или ськими безпородности гьверва цинтиознаеь
 белое гьвервие? Во своиъ риснованияхъ духовныхъ-церковныхъ
песеняхъ (Frühlingstags), козорид, правда, прилькали
 къ старымъ извѣстнымъ мелодиямъ, но составы не
 попали въ старый зовъ протестантскаго церковна,
 го тонид: Клоншохъ рьшилсѣ даже калосишь
 руку на традиционнй песен (Frühlingstags), навѣ,
 зарь шьв свой огуохороний вкусъ и закъиь од,
 разонь даь сигнала въ влобизелю, зомько въ не,
 значительной части правильному, а въ болъшей ча,
 сьи пресупитому исправленю песенъ. Тогда од,
 рашение „Kriegslieder Jesu“ должио было цезуишь
 холодному „^{ури. мурузети} Amoribus Gottes“. Слова Мозера: „Wiltan
mit im Leben sind von dem Tod imfingun“, должи,
 ны были гласьт: „Dies ist der Friede sind von
dem Tod imfingun“. „Stärke dich, o liebe Seele, laß
die dunkeln Tüftelsoffen“ были измьнены закъ:
 „Wilde, ständwolle Seele, mich dich auf, wölge Seele“.
 Образное, наглядное выражение было изгнано,
 на место богазой фразазией парадности посравне,
 на цезад надуроеь.

Клоншохъ, подобно многимъ изъ своихъ пред,
 шезвенниковъ, шилъ, какъ мы знаемъ, песидли
 и получалъ оръ высокихъ осодъ озлицид, не слуди,
 боъ зарабозаньид; но разниза между ними и
 друими лавреатами не золько въ зомь, то оны
 не елигаль эи награды милосрбю, за козоручо на,
 до замлаишь мезьто, а еще болъше въ зомь, то

1) Лирь. въ предладеь и во его религиозныхъ гимнахъ, козо,
 рьв Месень въ называлъ „серафимской“ поэзией.

онъ при этомъ признавала своего обязанности возбудить къ своимъ в подданныхъ любовь къ Богу и евреямъ въ права привозоживать кала, по французской революции.

Кася перешла къ молодому Клонитзю оръ оца религиозность, зато въ немъ была поемьно и сильное государственное чувство; оцарый Клонитзюкъ бить возгорженными поклонникомъ Фридриха Великаго: „Я очень люблю короля“, писалъ онъ при началъ Семилетней войны: „да будетъ Господь со солнцемъ, со луною, а онъ - страхомъ своимъ враговъ“. Молодой Клонитзюкъ оръ оца у, наследовалъ не только немецкий патриотизмъ, но и специальную любовь къ Фридриху, и въ началъ своей политической карьеры онъ, казалось, при видномъ великомъ значеніи его дядькинского и вдохновлялся имъ. Въ 1749 г. написалъ онъ въ народномъ духе „Kriegslied“ (военная песня) въ честь его, начинающуюся словами:

Der Feind ist da. Die Schlacht beginnt!

Wohlauf zum Sieg herbei!

Es führe uns der beste Mann

Im ganzen Vaterland!

Великопипное начало: Врагъ здесь. Тужба кала, марш! Впередъ, къ побѣдѣ! Кася ведетъ лучшихъ человекъ во всемъ оцеествѣ. Король верховно похоть по калю сраженій; звезда на груди его образана кровью: похоть безрочаерь его радостью: „Heil Friedrich, Heil dir, Held und Mann im ewigen Gefild!“ И онъ обращается къ Богу: „Der du im Him...

mel donnernd gehst, der Schlaechten Gott und Herr!
 Leg deinen Donner! Friedrich schlägt die Schaaren
 vor sich hin." Господь долу своих удермазъ свои гро-
 мы, яко какъ генеръ на земли гремишь Фридрихъ.
 Какъ видно, яко все нагляднось, огомъ и движе-
 ніе. Это очень сильное патристическое настроеніе,
 которое выразилось въ превосходной военной
 поэзии (,Friedrichslied") 1749 года, въ сильномъ разнор-
 ячій одной английской народной поэзии, переда-
 ной Аддисонамъ. Но это въ энтузиазмъ удермался
 недолго. Фридрихъ, ознавившій польское самосо-
 знание побѣдою при Росбау, подавившій соотечествен-
 никамъ давно позерянную вѣру въ свои силы,
 какъ извѣстно, по Язону и вкисалъ не былъ нѣм.,
 целю и польскую литературу ни въ грошъ не
 срабилъ. Напрасно срабилъ образъ его вни-
 маніе на Мессіа Клопштокъ, отъ придерживалъ,
 ея взглядъ своего ученика Волгера, который на-
 ходилъ, что новаго Мессіа не нужно, яко какъ
 и съ срабилъ дѣлать нечего. Теснолюбивое гурьво
 соотечественнаго доушмерза поэта подавило у Клоп-
 штока патристическій гражданскій смыслъ. За
 то, что Фридрихъ обманулъ ожиданія, какія отъ
 на него возлагалъ, за то, что отъ не сдѣлался за-
 щитникомъ польскихъ мужъ, а вѣнгеръ рога по-
 кровилъ срабилъ французскимъ вѣнгеромъ,
 а въ 1750 г. привлечь къ своему двору даже Вол-
 гера, Клопштокъ селъ себя призываемымъ оромъ
 за поэзію своему королю и вѣнгеръ оромъ за
 религію ея оскорбилъ. Отъ повредилъ эфиръ фолько

самому себе: уже открытые сады патристической поэзии были снова замерзлы, а золотые плоды ее, брались другой. Патристический дух, который был овеян отъ готтисвильности, был отодвинутъ въ далекое прошлое, въ которое могли пойти только не многие. Клопштокъ, обвиненный за религию и отъ, гервеннцо поэтико, охладилъ къ Фридриху и своего нами приведеннцо „Военнцо поэтико“ отнесъ къ королю Генриху Пращелову и отъ грустного на, сродннцо ушелъ въ далекое прошлое Германн, къ прославленному Герману. Онъ прославлялъ теперь въ одахъ и драмахъ Харузка Арминн и на закннхъ отдаленныхъ предметахъ хотннхъ вос, ннхъ самоотверженности ннмецкой поэзи: но, драматннхъ древннхъ должно было прекратннхъ; северные боги, которыхъ имена отъ самъ только научился называть, заняли место хорошихъ извннхъ образовъ англннхъ народа. Своей климъ древннхъ германцевъ, Wandilus, о которыхъ говоришь Тацннхъ, Клопштокъ отнесъ къ кельтскимъ бардамъ, которыхъ ошибочно считалъ за ннмецкихъ певцовъ. Итакъ, введенное Клопштоккомъ въ языкъ маду выражение „бардъ“ основано на курьезной ошибкн: у германцевъ никогда певцы не назывались бардами: это слово кельтское; а Тацннхъ упоминаеть отъ особннхъ видахъ поэзи, но, званнхъ Wandilus; изъ этого слова и кельтскаго названнхъ певцовъ Клопштокъ и его последователи сочинили ннмецкихъ бардовъ и Клопштокъ называлъ свои драмы изъ отечественной первообразной

незрели, Bardicte. Уга, Hermann und Thunelda 1752 года принадлежность однако еще кь его театру, митрайтими вдохновенности: сценичности и движение, о которыхъ угадываемъ изъ речей, родъ баллады въ диалогъ, неполненной фразы и сим. вѣсь изобразений. Но зри бардиче: „Hermanns Schlacht“ (Битва Германна), „Hermann und die Fürsten“ (Германновъ и князьки), „Hermanns Tod“ (Смерть Германна), оубъ 1769, 1784 и 1787 годовъ, были совершенно негодными драмами, и золько первая заключала нѣсколько произвольныхъ поэтическихъ помензговъ. — Также неизмачительны его Библейскія трагедии: „Der Tod Adams“ (Смерть Адама) — очень скудный сюжетъ, развѣдывается въ лирическое изидение. Трагедия „Salomo“ (Соломонъ) мнѣе больше драматична, чѣмъ „Смерть Адама“, но предсказываетъ очень некая, изидельная озноменитъ события и вѣдѣзвие зого безъ озидереса. Наконецъ, въ Давидъ („David“) — разсказъ событий, родко сценически и драматическое движение.

Прозанескія сочинения Клоппшюка были почти совсѣмъ безъ влиднтя, даме „Deutsche Gelehrten-Republick“ (Нѣмецкая республика ученыхъ) мнѣла золько при своемъ подвѣненіи въ короткое время видѣ, а именно на молодое поколеніе, увидѣвъ, мѣе въ ней признание своего суремленія. Вообще произведенія Клоппшюка замечательны по озноменію кь его вѣку. Хотя нѣмецкій языкъ былъ въ работавъ въ государственной сценѣ и до Клоппшюка, но поэтический языкъ зого времени озидеталъ оубъ

прозы почти одинаковы размерами и ритмами. Клопицкому первый пришел мысль, что «возвышенная чужезвонка должна выражаться болтае возвышенными словами». Это изложено им же в небольшом сочинении, озаглавленном «Увер
спраше инд диктисинст» («О языке поэзии»). Его глав-
 ная заслуга созидать в поэзии, что хорошо зна-
 комый с духом и образами старинно-польской поэзии, отъ чужезвонки, отъжимувъ въ народномъ языке
 къ ложное и грубое, перенести ихъ все въ языкъ
 своихъ произведенийъ силу выражений и поэтическую
 оборотность. Но отъ не только прилежно забиралъ обороты
 въ старинныхъ летописяхъ, а сочинялъ
 новыхъ сложныхъ слова и выражений. Въ этомъ
 способе обогащения языка много съ нимъ пошло,
 ричъ только однимъ Тече. Конструкция предложе-
 ний также подвергается подъ его перомъ значитель-
 ному измѣненію. Сложносочиненскія формы были раз-
 ружены и упростили. Чужезвонка болтае легкому изло-
 жению, отъего получила возможность, сохраняя
 смыслъ рѣчи, придавать ей болтае сильное и болтае
 поэтическое выражение. Клопицкому удалось создать
 действительно новую поэтическую языкъ, очаровав-
 ший его современниковъ и указавший новый путь
 для дальнейшего развития польской поэзии.
 Конечно, реформы Клопицкого не были чудомъ
 недосозданности, выражения его огромными иногда
 вычурностью, а желаніе силы и красноречия вело
 къ непереносимости оборотности, но эти недосозданности не умень-
 шили его значенія. Съ измѣненіемъ языка надо было

измѣнныя и поэтическія формы. Клоппгоуоу сначала на мысль передѣлать гекзаметры написанная имъ въ прозѣ повѣсти своей поэмы. Первые опыты не могли быть удачны, но усидчивый трудъ вздалъ свое и скоро формы итальянскаго гекзаметра стали свободно величаваться. Но Клоппгоуоу вдался въ излишнюю крайность, провозгласивъ мысль объ измѣненіи совершенно римовъ изъ всякаго рода поэтическия произведенія и доуцекая ея сущность, вати только въ церковныхъ посылкахъ. Прозавъ этого мнѣнія возрала много и, въ томъ числѣ, Виландъ.

Фридриху-Тоумбу Клоппгоуоу было 24 года, когда въ 1748 г. онъ напечаталъ въ гезвертоуе томъ бременскихъ „Vertäge“ первый три повѣсти Мессіады. Только въ 1743 г. онъ привелъ къ концу обширнѣе произведеніе двадцатого томѣно. Какая уди, вичельная жизнь для поэта, безъ сомнѣнія въ, сокоодареннаго! Онъ родился 1724 и умеръ 1803: почти воемидесятилетняя жизнь, и на двадцать гезвертоуе году доерилуза вершина, если не ела, въ, ро все-таки вершина поэтическаго зворисеува! Онъ написалъ, какъ мы уже знаеме, еще много одъ, гимновъ и духовныхъ пѣсенокъ, пробовалъ писать библейскія и озерсезвенная трагедии, софа, билъ удивительнучо поэтику, углублялся въ лезри, геекит, грамматическит и орфографическит умозрѣ, нид, но три три первый повѣсти Мессіады онъ превзо, темъ томко въ кельмогихъ прибавленіялахъ, и ить онъ цезранилъ. — Тучеъ Клоппгоуоу радко мове про,

извсери, даме въ савинѣ узкихъ рамкахъ, закон,
 чинное художественное произведение, черезъ отъ
 не имѣли вліянія на форму; все-таки отъ была
 утилетель первого разряда для поелгодующихъ
 поколѣній повѣнннми позыви. Сила и энергія
 безпресанно чередуется въ его произведеніяхъ съ
 губервуемскою, гасю впадануемъ въ саври-кесъ,
 фадюкесъ. Позя въ его одаѣ, на рѣду съ еласри,
 были обрадами и одородами, возротоуемъ и мю,
 хія суроры, го все-таки поэзія Кломизока была
 поэзія сердца и губерва; по *Wit in rosin* въ
Erzählung над *das Erzfindung*; какоъ говорюъ Тер,
 Дерь. Отъ былъ лирикъ по преминусебу.

Наружность Кломизока: его воодушевляющій взглядъ,
 энергичная очертанія губъ, смѣло обрисованныи, но
 нѣсколько откинутаго назадъ лобъ, слѣдуюъ мѣнимъ
 комментариемъ къ характеру его гражданскости.

На русскій языкъ переведена слѣдующія егине,
 нія Кломизока: „Смерть Агамы“. Трагедія въ трехъ
 дѣйствіяхъ. Перевелъ ея польецкаго В. Фриммонтовъ.
 М. 1807. „Мессиа“. Поэма въ десяти пѣсняхъ. Перев. съ
 нѣмк. А. Кузубовъ. 2 т. 1785—1787. Изданіе 2е. М. 1821.
 „Мессиада“. Поэма. Перевелъ ериханн С. И. Писаревъ.
 Три части, 1868.

Школа.

Како бы ни казались намъ странными нѣкоторыя
 литературныя экперименты Кломизока, все-таки
 въ нѣмъ выразителемъ ходячій суремленія того вре,
 мени и, болышего часъно, отъ создаетъ школу. Въ
 культѣ Терланма отъ проводюъ болыше сарое, намъ

изъезное, суремление, со своихъ лейпцигскихъ со-
говарницъ до поздова войны за освобождение. Въ
подраздѣльной авторичной одѣ его поелтадове,
лди срамовдря, наль уше изъезные, Тузесе, Рил,
лерь, Теризе и многе позднѣйше позре. Волсоф,
ганль Тере научилея у него свободнѣиъ дѣланиъ
срихонъ. Библиейскій эпоет наметль дѣлнѣиъ
продолженіе главнѣиъ образонъ въ Цюрихъ, оз-
куда по идеъ онов и выселъ.

Какъ мы знаелъ, швейцарскіе резеруки и ить
сроронники безрощили Клонизока съ энрузидъ,
ионъ; ить похваля основали его славу, и не бы,
по недоезакъ въ прославленіиъ. Подмерь енова
образилея къ плану поэмы, Мои (Моал, Франкф. и.
Лрх. 1750), козорый онов итькогда издалъ, и приидлея
самъ за обрабокъ („Моалидъ"); и другіе безрощавроу,
ише стожеръ онов выполнилъ быстро одинъ за
другиъ, въ плохиль гекзаметръ. Въ эо время
Клонизока, проглашеннѣиъ Подмеромъ, прииделъ
въ Цюрихъ: эо было лгозоль 1750 года. Незадолго
передъ гралъ онов поэмаонилея съ амакреонзи,
колов Тлейионъ, козорый обрадовалъ, найдя въ
нелъ не Томера съ видонъ пророка, а человѣка
; какъ одинъ изъ нашихъ". Напрохавъ эого, Подмеръ
осидалъ убидоухъ свѣзого тоношу, козорый ни о
челъ не думаетъ, кроиль своего великаго произве-
денія, и, обрацаеъ среди потремныхъ людей, сурре-
тирел ерхъ все болѣе доезайнѣиъ своей задани.
Но Клонизока держалелъ поладѣни, бивалъ много
въ обидеэубн, пиль и курилъ, итьоловалъ драву.

Уособенно ить энзоти паприарловъ, Белладехвие эого, Patriar-
chiden (паприарлидъ), како-го: Jakob und Joseph, Jakob und
Rachel и др.

техъ и меншиновъ, которыя видѣлъ въ первый разъ,
 крайне мало работали надъ, Мессиадой и советами
 не интересовался; Ноэльъ. Клоппштокъ зовъко-то
 вернулея изъ свѣтскаго Лейпцига, оу сурдоузыкахъ
 удовольствій; анакреоническое настроеніе и ему
 не было чуждо; онъ воспоминалъ вѣко и утверждалъ
 въ одной одѣ, что одинокъ единственныи взглядъ,
 одинокъ вздохъ, одинокъ восхорещенный поэтъ и музъ,
 те цѣлой созни нѣсенъ, со вѣками иль долгины
 безмерзиемъ. Сверхъ-княжеская энзимная не,
 посредственностъ изъ школы Галедорна врасидебно
 ежомкнула съ швейцарскимъ нурихавсзвонъ.
 Вѣкъ повесть Мессиады подавала поводъ къ соблазну,
 и Богнеръ бѣлъ глудко разочарованъ. Польско ея
 зрудомъ можно было предупредить поповъ разъ,
 равъ. Клоппштокъ ушелъ въ Коненгагенъ, а на
 Цюрихское озеро, которое онъ такъ прекрасно восъ,
 повесть, двилелъ другіе поэты, между ними иль,
 зовъ 1752 года приѣхалъ зуда ^{идинокъ чине извѣстныи} Эвальдъ Фрѣвъ-Клейсзъ,
 поэтъ. Весна. Мифометная поэзія Клейсза бѣла
 какъ разъ по сердцу Цюрихскимъ цѣтнотелдѣмъ
 искусствъ, и идиллическіе элементъ его поэмы ни,
 гдѣ не могли разочароватъ на болѣе земную возрѣ,
 чу, чтомъ въ Швейцаріи. Какъ Таллеръ намѣлъ не,
 испорченную натуру у альпійскихъ пасруховъ, такъ
 Богнеръ восхищенныи прелестной идилліей Раѣ
 Милсзона, искалъ ея у парріарховъ Везхава Завъ,
 за, и нѣкоторое образы его библейскихъ поэмъ еси,
 замѣлъ его дружбыи образцовъ наивнаго. Но, какъ
 чине раньше на зро указано, библейскія поэмы

Бодмера, какъ „Нюахлида“ и „Поэты“, принадле-
жать къ Клопишзовской школы, отъ — подража-
нiя эпикъ Клопишзока.

Несомненное влiяние Клопишзока на нѣ-
мецкую поэзию обнаруживалась всесторононе. Его
неповторимыя послѣдствiя обнаружены въ
грунтѣ сарафимскихъ шриковъ, Библейскихъ гим-
новъ и риторическихъ Бардовъ, мало по малу вы-
сунувшихся въ послѣдней трети XVIII вѣка. Тром-
кая извѣстность Клопишзока привлекла множество
подражателей, но, за исключенiемъ Бодмера, наи-
савшаго гекзаметромъ поэму „Ной“, въ 12-ю послѣднiю
подражали болѣе всего не религиознымъ ериво-
зворенiямъ Клопишзока, а его патристическимъ одамъ
и „Бардизамъ“, писанымъ, написаннымъ въ духѣ древ-
нимъ, въ особенностн Оссиана. Къ событиямъ
клопишзовицизма (Клосткокианети) принадле-
жать: Вилламовъ, Депперъ, Крешманъ, Тереринбергъ и др.

1736+1777. Йоганнъ Йозифъ Вилламовъ, родился въ 1736 г.
въ Морунгенѣ, былъ съ 1767—1776 г. надзирающимъ
инспекторомъ наукъ въ Петербургѣ и умеръ въ 1777 г.
Онъ написалъ оды и диодранды. Онъ воставалъ
въ Эпиконидѣ и подвалбномъ одаѣ („Эпикониди-
стли Лоб-Отан“) Фридриха II (Великаго), Петра Вели-
каго, Германна, Сиблескаго и др. — Полное знаменитъ,
ны его басни („Dialoge von Fubali“).

Бардасъ (и Скалосъ).

Какъ уже сказано, болѣе всего подражали
не религиознымъ стихотворенiямъ Клопишзока,
а его патристическимъ одамъ и „Бардизамъ“, псе.

1) Johann Gottlieb Willmann.

Самы, написанные въ духе древнихъ скальдовъ, Бардовъ, въ особеннѣи Оссіана, поэма Коргорала издава въ это время шотландецъ Макферсона (Macpherson, 1738-1796).

1729+1800.
*) въ Баваріи

1) Михаило Денисъ (Joh. Mich. Kosmas Denis, des Barden Lied - Бардъ Синеда²⁾), родился въ Шердингт¹⁾ (Scharding) у реки Инна въ 1729 г., получилъ въ изу-мскій орденъ въ 1747 г. въ Вѣнѣ, былъ въ 1750 г. профессоромъ изданныхъ наукъ, позднѣе исторіи литературы, у Терезіанума (Theresianum), съ 1784 г. Библиокаремъ у придворной Библиотекѣ и членомъ въ 1800 г. - Дрозъ австрійскій изустно имѣлъ бол-мѣе заслуги за просвѣщеніе своей родины, ко-торую онъ впервые ознакомилъ съ литерату-рою северной Германіи. Онъ подражалъ како Клоппзосу, такъ и Оссіану, мнимому Барду III вѣка, назвавшій себя Синеда, передѣлавшій поэмы Макферсона въ шотландскія гекзаметры и издавшій ихъ, вмѣстѣ со своими содѣланными произведеніями, подъ названіемъ Поеми Оссіана и Синеда ("Ossians und Sineds Lieder", Вѣна, 1784-85 г.). Дрозъ Синеда, наравнѣ съ ^{шотландскимъ} Бардомъ Оссі-аномъ, восхвалялъ въ своихъ "Königsliedern", "Oden" (въ своихъ ижедѣяхъ Бардовъ и одахъ) Марію Терезію, Иосифа II и Клоппзока. Онъ слалъ и очерсенненныя песни ("Antaständeliedern"), "Sineds Klagen" (Рѣзобанія Синеда), между прочимъ о смерти Теллерга ("Tellers Tod") и др. Въ его эпическомъ домарѣ гелотическимъ кубебамъ, патристическомъ, ненавистно порока и извѣстности и любовно

1) "Lieder Sineds des Barden" usw.

2) "Die große Fälschung, die Götter Anzimmeln, die Götter besorgen die Götter Anzimmeln, die Götter Anzimmeln" и пр.

въ героической прозе. Барды часто выраспаются
смысло, часто смиренно и просто, часто плаксиво.

1731-1795. 2) Карль Масзалирь (Mastalier), родился въ 1731 г.
въ Вьеннѣ, былъ ^{также} лекциею, а поелии закрѣпид ие,
зундскаго ордена — профессоромъ издическихъ на-
укъ при университетѣ. Онъ умеръ въ 1795 году. —
Масзалирь распропагандилъ знаменіе лунинство
нѣмецкихъ писателей и облагородилъ вкусъ
въ Австріи. Тамъ онъ былъ его образцомъ и австрийскій
императорскій докторъ — его сочиненіе (Гид. публ. в
Одан нѣб Там Нотак — Спихоуворенія рѣданы съ ода,
ли изъ Торакія, Вьена, 1774 г.).

1738+1809. 3) Карль Фридрихъ Кречманъ (К. Ф. Kretschmann, погниселавинскій)
der Barde Rhingulph, родился въ 1738 г. въ Цун-
гау, учился въ Визенбертѣ юриспруденциі,
сдѣлался докторомъ права, былъ адвокатомъ въ
1762 г. въ своемъ отечесвенномъ городѣ, судейскимъ
актуариусомъ въ 1774 г., и умеръ въ 1809 г. —
Кречманъ (докторъ права и судби) законъ называлъ
Бардомъ Рингульфомъ и подъ этимъ именемъ вос,
тѣмъ разбузіе Вара (Rhingulphs Gattung der Varus
gaffelgan name), смерти Термана — Rhingulphs Kla-
ge и Die Jägerin. Стихи его озмичаюая одушевле-
ніемъ и формою, такъ какъ они ввели въ нѣмъ
ривну (Gattinika Kuntkata), озвернуудцо Клонизо,
Коль. Его многочисленныя эпиграммы — мѣткіе
осроуины, тѣмъ извѣстны. Въ драмѣ оной не
екаспиль. Это характеры, конечно, хорошие, но гдѣ,
логи — слишкомъ неовороуливы.

1787+1823. 4) Фейнрихъ Терзенбергъ (Heins. Wilh. von Jarstenberg),

родился в 1737 г. в Штодорфе, учился в Денно
 юриспруденции, поэт, впоследствии в датскую
 военную службу, оставил ее в 1768 г. как ре-
 зерв, был в 1775 г. датским резидентом и
 консулом в Любке, в 1785 г. директором
 (Лозоа) в Алборге, в 1812 г. удален из жи-
 зни и умер в 1823 г. — Терзенберг
 был сначала акакреоническим поэтом
 (в своих „Fünflinien“, ^{в них и особенно в} ~~„Kantzen“~~ „Sonneten“)
 председательствовал на собраниях музыкального
 общества, напр. „Ариадне иль Калос“, поэт дат-
 ского гренадерства (призывая в своих „Fünflin-
 ien“ и „Kantzen“ Grenadiers к Гейму и
 в Идиллии (Idyllen) к Теснеру), наконец скальдером
 бардов, оплакивавшими в своих сужах
 „Fünften und Sechsten“ падение стовриков до-
 гова. Как бард — поэт Кельзов, так
 скальд (Skalde) — поэт, поэт скандинавский,
 а не немецкий. Во драме были Терзенберг
 предвзвизником, предвзвизника гения сил. Сво-
 еобразен извещенное свое трагедии „Udolino“
 („Уголино“), действие которой происходит в
 тельнице, где возмездие низамево умирает со
 своим зрелищем стенов. ни от голода. „Minoia
 отъ Sin Angelsachsen“ (Minoia или англо-сак-
 сонцы) — трагическая мелодрама без значения.

Патриотический отъ Клонитца оказали как раз
 сильное влияние; в Германии появилось безчислен-
 ное множество бардов, которые выдумывали себя
 будто бы древне-германский имена и сражались

+) Бардовство,
 манера,
 музыка

усвоить образъ мысли и чувства современниковъ
 Арминія. Однимъ изъ мадольныхъ извѣстныхъ —
 Кренихавъ, подписавшійся — Бардъ Рингштеръ,
 другой — Денкеръ, подписывавшійся — Бардъ Синельъ,
 третій — Герценбергеръ, называвшійся — Скалдоульъ,
 съ которыми мы зюльско-то ознакомились. Кро-
 мѣ Клоншюка иль вдохновитель изданной
 въ 1760 году Оссиана Макферсона; эта искусная
 подделка вѣсело съ выдуманными мировоз-
 зрѣніями древнихъ германцевъ образовала въ
 иль головахъ какой-то сумбуръ, который иль
 современники находили очень поэтическимъ. Иные
 изъ зрѣть Бардъ обращались и въ современно,
 эти и являлись поэтами-революционерами, но,
 конечно, революционеры крошкими, на ильец-
 кий лагу. Загнать:

Этики, идиллики Клон-
шюковской школы.

Какъ извѣстно, Клоншюковъ президе всего ока-
 залъ влияние своей пессіадой: и Богмеръ, и Ви-
 ландъ въ молодости, и извѣстный основатель
 физиогномики Лафатеръ, и многіе другіе,
 все играли свои силы надъ Библейской эпохе,
 ей. Также какъ эти последователи Клоншюка не
 имѣли геніальнаго формового таланта, за они
 пробовали себя въ прозу. Предомъ съ Богмеромъ —
 болѣе славный поэтъ зтого направления — Мозеръ.

1723+1798. Карлъ Фридрихъ Мозеръ (Friedr. Carl (Fryd.) Moser),
 родился въ 1723 году въ Штутгартѣ, учился въ
 Бернѣ юриспруденціи, былъ въ 17472. секретаремъ

у своего отца (Ф. Ф. Мозер), в 1751 г. соотечественник
при посольстве в Дармштадт, наконец канцл.
героин ландграфа гессендармштадтского в 1772 г.,
вышел в отставку в 1780 г., своим врагом
обвиненный в злоупотреблении своей властью,
изгнан из отечества в 1781 г., попал в брод.
поиски, но в 1790 г. оказался невинным и возна-
граждены были его услуги. Он умер в Людв.
висбургт, в 1798 г. — Мозер — один из наибо-
лее плодовитых писателей. Своими сочинени-
ями он столько много для распространения по-
литического просвещения. Он был патриот
в восточном смысле слова и денно и нощно
увидать приняты изменения, обезличения Гер-
мании. В его сочинениях ^{сравнительно} изложена мысль,
кое создание государства и отдаленных стран.¹⁾
И его сборник басен, „Das Hof in Friburg“ (Франкф.
1761 г.) и прозаическая поэма „Daniel in der Lö-
wengrubbe“ (Даниель в львиной ямнице, замк-
ше 1763 г.), которой много удивлялись, посвящены
изображению тогдашних европейских, особенно герм.
ни дворов. Его политическое воззрение основалось
на христианстве. Вообще он склонился к низ-
кому; его ~~философия~~ (церковная теория) ничто.
уже германский отпадение, при этом его изобра-
жение не находило на высоте времени. Мозер
был низкоростный и государственным человеком.

Другая партия последовавшая Клопперока у-
влекла его просвещен и его почитанием при,

1. Vom Nutzen der Wissenschaft (Франкф. 1765 г.), „Das Ganze und das
Kleinere“ (замкше 1761 г.), „Pol. Fische der Freiheit“ (Zür. 1796 г. II).

роды; изъ зрѣль натурь-поэтовъ (Nichtindifferant) однихъ, именно Саломона Теснера, приобрѣсь обширную извѣстность даже и за пределами Германіи!

Теснеръ (Tessner) родился въ Цюрихѣ въ 1730г. и съ дѣтства показывалъ талантъ къ живописи, а влѣтѣвшій въ сѣмьлѣтъ годовъ, отъ началъ воеватьъ своего оура въ нѣкоихъ сраженіяхъ, но его оузецъ-книгопродавецъ предназначалъ его къ торговому дѣлу и оуправилъ его изъ Цюриха въ Берлинъ занимаясь книжною торговлею, но отъ и тамъ продолжалъ подбирать стихи, козорые даже друзья его находили слабыми и по; собиравали ему тѣмъ разнообразной прозой. Въ Берлинѣ Теснеръ познакомилъ съ извѣстными кризискомъ и поэтомъ — Рамлеромъ, козорый на; тель въ немъ незаурядный поэтическій талантъ; поэтомъ отъ подналъ влѣдливо Гюгера и Клоппа. Возвратившій на родину, отъ принялъ книжничій магазинъ оуца и самъ издавалъ съ многострацидми свои прозаическія идилліи. Отъ умеръ въ 1787 году.

Первая, явившійся въ печати его произвѣденія не имѣли никакаго успѣха, и только съ подвліеніемъ поэмы „Daphnis“ („Дафнисъ“), имѣя его едѣлалось извѣстнѣе. Затѣмъ явилась „Idyllen“ („Идилліи“). Въ то же время Теснеръ занимался съ оуспѣхомъ гравированіемъ швейцарскихъ видовъ и живописью; но картины его скоро поилили, поэму что отъ писалъ нѣ на льняномъ, а не на оливоковомъ масле. Отъ оставилъ также соч.

1) Отъ принадлежить къ особой школѣ, поэтовъ натурь-поэтовъ.

нение по этому предмету. Winf ibar di Lindkrafts
tolvau ni froni Jussliu (Твердо о ландмаффе,
 мой символ). Но славу его создала поэма, или
 Судейская идиллия в прозе Tot Abels (Смерть Авеля), которая, вельды
 за то, была переведена на языки: французский,
 английский, итальянский, русский, испанский, голланд-
 ский, датский, шведский, немецкий, венгерский и др.
 Образцом для своей религиозной идиллии Теснера
 избралъ Библию, а въ манеру създалъ подра-
 зать Мильзону, но не достигъ своей цѣли: въ
 поэму эту, ни величия, ни красоты, какого от-
 личаетъ поэтическое изображение Авора, Поэзия,
 мало радъ. Абель Теснера — добрый пастухъ, не
 больше; вся же поэма носить призорно идиллический
 оръянокъ. Это же касается картины при-
 роды, то, не смотря на всего то привлекательность,
 оной. Благодаря своему обилію, уютности въ
 частности и лирической силе и возвышенности
 въ цѣломъ. Поэма богата оцѣнками и зрѣ-
 ями, сценами, счастливыми описаніями
 и иными чуждыми, въ целомъ и черезъ займа
 удивительного чувства, вынавшего на ея долговъ
 въ зрѣніи, слѣпо подразнавшей тогда вкусу Фран-
 ции. Это же касается оцѣнки поэта, оно далеко
 не возгорженно относилось къ произведенію
 Теснера. Оцѣнка поэмы Теснера, „Деревянная
 нога“, „Первый мореплавецъ“ и „Поэзия“, отличаетъ,
 съ зѣлою же доскональностью и недосказанности, какъ
 и „Смерть Авеля“. Лучше дружить „Der erste Schiffer“
 (Первый мореплавецъ), котораго характеры хороши
 и сцены наиболѣе характерны его произведеніемъ и

и олимпиадизмъ ея наивною вѣрностью. Какъ, даф-
нисъ, такъ и „Смерть Авеля“ лишены единства и
необходимости - принужденности развѣдъ. Муза
поводей и драмы его лучше другихъ, „Новая Асторей“
и „Лаура“.

Саломонъ Теснеръ ^{поэтъ} „пѣвецъ природы“
и пейзажистъ. Поэтическому пейзажу онъ нац,
чтисъ оунаси своего друга Эвальда фонъ. Клейера, ^{прозаическими}
и, какъ зонкинъ подражалъ Оеокризу, своимъ судил,
идяли 1756 года дозривъ европейскаго ченска: его
поездки были хорошия люди съ греческими ише,
наши, какіе подвлялись въ Лейпцигѣ въ на,
срушеской драмы; его муза поделушивала закъне
пильрѣ и сазировъ при лунномъ светѣ; зало-
зой бокъ великодущія, добродѣтели и невинно-
сри, оукрывался въ небольшихъ, забодливо обра-
бозавныхъ каррикель, а люди, полное перво-
бозной естественности, которыхъ онъ хотѣлъ изо-
бразитъ, оуничались мяжкими пубезвоми и краси-
были рогали: анакреонтическія, библейскія, Клон,
пожокевскія иши еплегандей въ наивно-сантимен,
зальную ткакъ, которая замѣняла несовершенную
двѣсвизельное сѣднѣиъ сладкаго метатарельнаго
егасрѣя: насродичая неподдѣланная швейцарская
природа почти совершенно исчезала, но все-таки
можно было догадываться, что она зайно здѣсь угасрво-
вала, и разнообразіель контрастовъ въ ея поезмо-
судлѣ и шизельдѣ оуредалила вкусъ Таллера,
какъ и склопности Теснера. Теснера называли
пѣвцукиль Оеокризомъ, но онъ гораздо менше реалель,

нежели александрийскій идишмилль; его пасудили, какъ уже сказано, доброе и неглупые люди съ под, мюезковъ лейпцигскаго пасгородальнаго театра. Это мюезковъ и гувендильмановъ подлодили ко вступоу даше французской арнезюкразии 70-хъ и 80-хъ годовъ; въ Россіи оны пользовался Балашинскъ ува, шеніемъ въ Карамзинскій періодъ.

Изъ сочиненій Теннера на русскій языкъ пере, ведены, Коцб. Н. Пороховъ. 1777. „Авеля емерзб.“ Поэма въ 5 пьесидяхъ. Перев. И. Захаровъ. М. 1781. „Деревоидная нога, швейцарская идишмилль.“ Перев. М. Карамзинъ. 1783. „Перводвизный моренлаварель“, поэма въ 2-хъ пьесидяхъ. Перев. Д. Болдинъ. М. 1784. „Дафнисъ.“ Перев. А. Шмиковъ, 1785. „Златой вѣтъ дафнисъ, или природная мюдовъ пасудила и пасудилки, основанная на волы и гезою селской доро, дозели.“ Перев. М. 1788. „Новая Азурел.“ Перев. В. Раевскій. 4 гасри. М. 1799. „Лаура, или поцголумъ въ своиль грейсвильдиль.“ М. 1794. „Идишмилль и на, срумьши поэмы.“ Перев. В. Мейшмилль, М. 1787. Пол, ное собраніе сочиненій Теннера. Перев. И. Шмиковъ, скій. 4 гасри, М. 1792-1803. ✓

1741 + 1801.

Къ ученикамъ Клоппшюка принадлежалъ и Доганъ Каспаръ Лафаръ (Doh. Kaspr. Lafater). Оны родился въ 1741г. въ Цюррихѣ, гдѣ оны учился подъ руководствомъ Подмера и Брейдингера; за сцэтуру прозвѣ одного судьи, семейство отпрвилло его въ Берлинъ въ 1763г. Восемь мѣсцевъ оны жилъ у Стальдингга въ Баргъ въ Потсмернѣ, по возвра, шеніи оукуда, ^{въ 1764г.} оны едиланъ былъ пасгородль, съ

Умн. Lafater

1768 г. былъ диакономъ у церкви сиротскаго дома (Адмиралъ-вѣкъ); на пасторствѣ въ Рейну въ 1774 г. ознакомился съ Теэе, съ 1786 г. былъ пасторомъ, или оберъ-пасторомъ у церкви Санктъ-Петра. Французская революція нарушила мирную службу Лаффа, зѣла, разсказанную по часамъ. Крестъдоме историческаго кантона, по примѣру своихъ французскихъ соотечественниковъ, потребовали уничтоженія вѣстныхъ феодальныхъ привилегій въ Цюрихѣ и швейцарскій кантонъ едѣлаесть иль адвокатомъ. Власть, конечно, не послушала его, а крестъдоме наказали. Когда французскій войска взошло въ кантонъ, Лаффаеръ принялъ иль еророму, видя въ нихъ подобныя права, но вскоре, увидя, какъ поддужели поступали съ швейцарцами, вынужденъ былъ просить у директоріи защиты своихъ соотечественниковъ. За это его выслали въ Базель, но вскоре былъ освобожденъ, и онъ описалъ въ двухъ томахъ историю своей ссылки. Во время замятня города войсками масоны, Лаффаеръ и много неосознанность вѣйдзи на улицу, заспорили о чемъ то съ однимъ французскимъ солдатомъ, и зоръ выстрѣлили въ него изъ ружья въ упоръ. Зарядъ попалъ въ спину, и Лаффаеръ, пострадавъ съ годъ, умеръ отъ раны въ 1801 г.

Литературное поприще Лаффаера началось съ пьесы, Schweizer Lieder ¹⁷⁶⁶⁻²⁵ довольно слабыхъ, едущихъ, и Quintessenz, Die Lieder (1774), Quintessenz (ibid. 1780).
 пяд пьесъ, ^{драма} и поэмы его, написанныя въ подражаніе Клопшодку, „Abraham und Isaac“ (драма), „Jesus messias“ и „Joseph von Arimathia“ (поэма).

1) „Jesus messias, oder die Zukunft des Garmen“ — „Jesus messias, oder die Evangelien und Apostelgeschichten in Garmen“.

1) примечанія Тоснодид
конецъ въ

2) апокалипсическая драма

Младенцы на
вспросе

были не лучше; провиди, хотя писанный на,
скоро, пользовался изобретением; в то же вре-
мя отъ написанъ и меззическое сочинение, Aus-
sichten in die Bwigkeit: увлекаемый къ религиоз-
ности и замечательности, отъ сдѣлался илюми-
национъ и, видя слабую сторону разума, хотѣлъ
замышлять его во всемо второго. Отъ былъ зверь,
до удостовѣренъ, что бога одарены особенными
способностями вѣтъ, кто горячо просить объ
здоровь, и снужалъ себя однимъ тѣмъ закнать изъ
бранныхъ (избранниковъ), но его несправедливо
называли ученикомъ Месмера и Камесро. Ла,
фрагера ильвалъ большое значение въ Германіи
во второй половинѣ XVIII вѣка, какъ прозвѣтъся
ученій энциклопедическо, преобладавшо при
дворѣ Фридриха Великаго. Идеи Лафрагера о
мирѣ, человека и Бога изложены въ его Anth-
ropie Physik и его Ursprung. Въ книгѣ отъ
учени, какъ дойти до экстаза, посредствомъ сна,
снужальнаго страха, насуживаетъ на необходимостъ
звердаго благочестія, неусужаннаго разномыслия
о смерти, злоностъ всего земного и зн. Соба,
родованіе его: Physiognomik (Physiognomik
Physiognomik Physiognomik) еще болѣе увеличило
его изобретеніе. Изъ наружнаго вида человека и
выводить отъ выводить заключеніе о иль ка,
какъ это, но, вѣдь со многими вырванными на.
Блюденіями, дала въ множествѣ снуживать и
преувеличенности заключеній. Такъ снужая го,
лову и, въ особенностъ, лицо, какого гасъбы зѣла,